

Искупление

Автор:

Олег Рой

Искупление

Олег Юрьевич Рой

Что общего между холемым мужчиной, владельцем одной из самых крутых строительных компаний, уважаемым любимцем женщин и благотворительных организаций, и девочкой-попрошайкой, подбирающей остатки пищи на задворках «Макдоналдса»? Правильно – незащищенность перед ударами судьбы. Сегодня Станислав Шаповалов – на недосягаемой для простых смертных высоте. Завтра – вычеркнут из списка живых. Сегодня Танечка Кузнецова – на дне жизни. Но ее дно окажется нечаянной радостью, небывалым счастьем для Стаса.

Олег Рой

Искупление

Пролог

С незапамятных времен до новогодней ночи

За долгий свой век этот особняк, расположенный почти в самом центре Москвы, видывал многое, очень многое...

Он помнил еще времена своей юности, когда почти все домики в округе были ниже его и он, новенький, пахнувший свежей известкой, с блестящей на солнце крышей, презрительно поглядывал с высоты на своих малорослых собратьев, которые не заслоняли ему вид на главную улицу Первопрестольной. С утра до ночи мог он тогда наблюдать из своего переулка, как проносятся по Тверской кареты, громахая колесами и разбивая в пыль булыжную мостовую, как текут вдоль по улице людские реки и как шарахается в стороны народ, заведя мчащийся экипаж и слышав крик «Пади, пади!» – ведь разделения на тротуары и проезжую часть тогда еще не было и в помине.

Потом его маленьких соседей стали сносить, а на их месте начали вырастать каменные великаны в три, четыре и даже шесть этажей. Особняк лишился вида на Тверскую, но жизнь вокруг него продолжала кипеть. Под его окнами проезжали коляски важных сановников, спешащих в Кремль на заседание, чинно проходили накрахмаленные бонны, выводящие детишек гулять на бульвар, спешили в университет студенты, шустрые мальчишки затевали во дворе игры и потасовки. Вечерами, шурша дутыми шинами, проносились щегольские лихачи, унося своих подгулявших седоков на запад Москвы – в «Эльдорадо», «Мавританию», «Стрельну» или к «Яру».

Помнил особняк и как сотрясались его стены от грохота выстрелов в смутные дни революции, и как суетились, собираясь в спешке, его тогдашние хозяева и их домочадцы, торопившиеся скорее покинуть охваченный мятежом город. Глава семьи уверял тогда всех, что уезжают они ненадолго, скоро бунт подавят и все вернется на круги своя. Но сбыться его предсказаниям было не суждено, и больше дом никогда не видел этих своих жильцов. Их заменили другие – многочисленные, горластые, склочные, неряшливые. Скрепя сердце, с огромной неохотой привыкал особняк к новой жизни, к шуму коммунальных распрей, к пьяным песням под визжащую гармошку в праздники, к вечной грязи и кучам окурков папирос и самокруток на некогда сверкавшей чистотой мраморной лестнице. Стены и потолки дома закоптились от чада многочисленных примусов и керосинок, стекла окон, которые теперь почти никогда не мыли, потускнели и запылились, прекрасные мозаичные дубовые полы истоптались, покрылись коростой грязных следов. Не по душе дому были новые жильцы – но и их он стал жалеть, когда спустя годы по ночам к его подъезду стали вкрадчиво подъезжать сперва черные «воронки», а потом автозаки с надписью «Хлеб» на борту, и дом настороженно прислушивался к гулким властным шагам на лестнице, к всхлипываниям арестованных, их горьким прощальным словам.

Потом все окна особняка заклеили крест-накрест полосками бумаги, плотно занавесили темной тканью, так, чтобы даже крошечный лучик света не смог пробиться наружу. И снова его стены сотрясались от близких разрывов бомб и ожесточенной пальбы зениток, а по ночам на крыше дежурили жильцы, оберегая дом от падающих снарядов, которые сбрасывали вниз, в бочки с водой и песком. Но война наконец отгремела, и счастливый дом праздновал победу вместе со своими жильцами. Те, кому довелось пережить эти страшные четыре года, теперь забирались на крышу особняка, чтобы увидеть грандиозный парад, а вечером полюбоваться расцветающими в темном небе разноцветными гроздьями салюта.

После войны жильцов из особняка выселили, и шумный коммунальный быт сменился монотонной канцелярской рутинной – в доме обосновалось какое-то скучное государственное учреждение. Озабоченно сновали служащие, щелкали костяшки счетов, трещали арифмометры, повсюду лежали пыльные папки с разлохмаченными тесемками. Лишь изредка где-нибудь в уголке коридора раздавался звонкий молодой голос или веселый смех, но тут же затихал под строгими взглядами более серьезных коллег. И снова слышалось шуршание бумаг и стук печатных машинок – с утра и до вечера, когда служащие расходились по домам и запиралась входная дверь. Погрузившийся в тишину, особняк тихонько вздыхал, вспоминая вечера в ушедшие годы, бравурные рулады рояля, балы при свечах, домашние концерты, легкие девичьи шаги по анфиладе комнат... Ему не с кем было поделиться этими воспоминаниями. Разве что с вязом, росшим у его северной стены. Дом помнил его еще тоненьким гибким побегом, застенчиво шелестевшим весной свежими зелеными листьями. Теперь вяз стал могучим высоким деревом с узловатым стволом и тяжелой ветвистой кроной. Изредка они переговаривались, вспоминали прошлое и с грустью отмечали те невеселые перемены, что происходили вокруг. Жизнь кипела, столица строилась и менялась, становясь, быть может, более современной и комфортной для жизни – но при этом безвозвратно теряя то неповторимое очарование старины, которое принято называть душой Москвы. Как было не грустить об этом особняку и старому вязу?! С каждым днем вокруг оставалось все меньше и меньше напоминаний о былых временах, настал момент, когда и они исчезли совсем. Зажатый с двух сторон массивными многоэтажными новыми домами, особняк, оставшийся самым старым строением в округе, уже начинал казаться самому себе жалким, дряхлым и никчемным.

И все-таки дом жил, с интересом вглядывался в прохожих глазами-окнами, бодро хлопал дверью подъезда, терпеливо сносил порывы ветра, ливни и снегопады, прислушивался к шелестению вяза и к неумолчному шуму огромного

города, частью которого он стал давно и, как ему казалось, навсегда.

Оказалось, что не навсегда.

Теперь дом умирал. Умирал мучительно и долго.

Собственно, сейчас и домом-то его можно было назвать с большой натяжкой. Теперь он превратился в руины, нелепо торчащие в переулке, словно скелет причудливого доисторического животного. Чтобы скрыть эту неприглядную картину особняк затянули грязно-зеленой сеткой и слегка прикрыли строительными лесами. Дом обнесли дощатым забором, за которым сразу же выросли кучи ржавых бессмысленных железок и прочего мусора. Лишь кое-где из унылого хлама остро торчали немногие уцелевшие прутья прежней красивой ограды.

Окутанный строительной сеткой, шершавой и жесткой, дом почти ослеп. Сквозь мутное зеленое марево он видел лишь неясные переливы света и тьмы да тусклые огни уличных фонарей, слышал отдаленный гул Тверской улицы и негромкое поскрипывание вяза, который тоже переживал нелучшие свои времена. Про них попросту забыли, и жизнь потеряла для них всякий смысл. Порой дому даже хотелось, чтобы к его стенам подъехал громоздкий неуклюжий кран с тяжелым чугунным шаром на стреле и все бы разом закончилось после нескольких грубых ударов, рассыпалось бы в прах – уже навсегда. Но этими своими мыслями он не делился даже с другом-вязом.

Дни шли, они складывались в месяцы, месяцы в годы, а допотопный костистый скелет с выступающими каменными ребрами все так же неизменно торчал в переулке. Полуоглохший, полуослепший, полуживой, не обращающий внимания на то, что творилось у него внутри и творилось ли что-нибудь вообще.

Но сегодня все было иначе. Что-то произошло. Что-то необычное и страшное. Дом чувствовал, как по его полуобвалившимся лестницам поднимается все выше и выше тугой сгусток боли, тоски и отчаяния. Как медлит он у зияющих окон, как останавливается в комнате наверху, а потом снова продолжает свое упорное восхождение. Вот он бредет по чердаку, выбирается через слуховое окно на крышу, приближается к ее краю...

Дом не видел, кто это, просто ощущал боль, безысходность, тоску. Все то, что он сам так хорошо знал и так сильно прочувствовал за годы забвения.

А вот вяз прекрасно видел, что происходит на ржавой дырявой крыше особняка. Бывшего особняка...

Странный декабрь выдался в этом году – теплый, почти бесснежный, похожий то ли на раннюю весну, то ли на позднюю осень, но уж никак не на русскую зиму с её высоченными сугробами и трескучими морозами. До последних дней месяца ждали москвичи похолодания и снегопада, с надеждой слушали прогнозы погоды, а потом махнули рукой. Видно, не судьба в этот раз встретить Новый год по-настоящему, насладиться видом припорошенных снежком деревьев, паданьем пушистых хлопьев да морозным скрипом под ногами. Да и бог с ним. Если задуматься, то есть в жизни проблемы и поважнее, куда поважнее...

И вдруг, нежданно-негаданно, вопреки всем предсказаниям синоптиков, прямо в новогоднюю ночь начался снегопад. Снег повалил, закружил, завьюжил Москву, за какой-то час укрыл ее всю пушистым своим одеялом, подарив к празднику жителям и гостям столицы ощущение волшебства и сказки.

Лег снег ровным ковром и на крышу особняка, скрыв все ее неприглядные дыры, ржавые пятна и прочие старческие болячки. Разом приобрела крыша чистенький, аккуратный, ухоженный вид – но внешность, как известно, нередко бывает обманчива. И потому старый вяз с тревогой наблюдал за высоким мужчиной, который двигался по скользкой крыше, отзывавшейся на каждый шаг глухим бормотанием, и остановился в опасной близости к ее краю. Мужчина, несмотря на зимний колючий ветер, был без шапки, стильное, явно очень дорогое пальто как-то особенно ладно сидело на нем. Был он гладко выбрит, модно пострижен – сразу ясно, что весьма состоятельный субъект. И также сразу понятно стало вязу, как мучительно плохо этому человеку, как он опустошен и подавлен.

Мужчина стоял и безучастно смотрел на город, раскинувшийся вокруг. На переулок, на украшенные новогодними гирляндами здания на Тверской, на сияющую рекламу, на призывно пульсирующие вывески магазинов и ресторанов, на людей внизу, спешащих по улицам, чтобы сейчас, когда до Нового года оставалось всего-навсего несколько часов, успеть докупить все необходимое для праздничного стола или забытые впопыхах подарки. У кого-то на лице было написано ожидание, у кого-то беспокойство, у кого-то раздражение. В эти

предновогодние радостно-хлопотливые часы жизнь вокруг особняка в обыкновенно тихом переулке так и кипела, спешила, бурлила, точно вода в стоящей на плите кастрюле, переливаясь через край.

Только лицо мужчины, неподвижно застывшего на крыше, оставалось бесстрастным. Однако эта маска отрешенного спокойствия не смогла обмануть пытливого наблюдателя. Старое дерево, кое-что повидавшее на своем веку, сразу поняло: на эту крышу мужчина поднялся с одной-единственной целью – уйти из жизни. Вяз догадался об этом намного раньше, чем увидел, как мужчина вынул из внутреннего кармана пальто блеснувший в свете фонаря черный револьвер. Увидел – и замер, боясь неосторожно шевельнуть хоть какой-нибудь из своих ветвей.

Неподвижно постояв несколько минут и еще раз окинув взглядом город, мужчина вздохнул, решительно поднял руку и шагнул к краю. Крыша тут же отозвалась глухим ворчанием. В лицо мужчине жадно дохнула гулкая пустота. Еще один миг...

И в этот момент вяз услышал, как вскрикнул откуда-то из темноты чей-то звонкий голос:

– Стас! Не надо!..

Глава первая

За восемь дней до Нового года

Старому вязу, который с тревогой наблюдал за так испугавшей его сценой, было, конечно, невдомек, что стало причиной драматического действия, разыгравшегося на крыше. Он понятия не имел, что началась вся эта история примерно неделей раньше, в доме совсем неподалеку, в каких-то нескольких сотнях метров от их переулка. Впрочем, что ж удивительного в подобной близости? Ведь, в сущности, Москва – маленький город. Если речь, конечно, идет о самой Москве, а не о выросшем вокруг нее современном мегаполисе с однотипными многоэтажными блочно-панельными муравейниками. Ну да какая

они Москва! Они – Марьино, Митино, Выхино, Жулебино, Бутово и прочие бывшие деревни, пусть и потерявшие свой сельский облик, но так и не сумевшие стать городом, стать настоящей Москвой. С ее историей, с ее преданиями и легендами, с ее неповторимым очарованием, то слышным в шелесте листвы на бульварах, то зримо проглядывающем в тихом дворе Замоскворечья, то вдруг мелькнувшем в упругом изгибе одного из знаменитых ее семи холмов... Но оставим в стороне лирику и вернемся к истории, которую читатель уже давно должен узнать. И, прежде всего, обратимся к дому, в котором все и началось.

Кроме близкого месторасположения, дом, о котором сейчас пойдет речь, не имел ничего общего с допотопным чудищем в переулке, затянутым строительной сеткой и обреченным на медленное умирание. Был он моложе на добрую сотню лет, гораздо выше и гораздо больше, имел несколько подъездов и насчитывал семь этажей. Фасад его выходил прямо на Тверскую, занимая половину квартала, и один этот факт заставлял дом сохранять и постоянно поддерживать солидный и одновременно молодцеватый вид. Внизу – сверкающие витрины магазинов и зеркальные окна ресторанов, на верхних этажах – огромные квартиры, когда-то роскошные частные, затем, долгое время – жуткого вида коммуналки, разделенные фанерой на клетушки и больше похожие на захламленный лабиринт, чем на человеческое жилье. Однако, к великой радости дома, пару десятков лет назад этот ужасный период его жизни закончился. Квартиры опять стали принадлежать не целой толпе разношерстных съемщиков, а одному хозяину, стараниями которого они вновь обрели жилой вид, расстались с лишними стенами, изменили планировку, принарядились и засверкали, украсились новой мебелью и множеством мелочей, которые могут позволить себе только очень состоятельные люди. Ну а другие люди, как известно, квартиры на Тверской и не покупают.

К числу таких вот владельцев элитного жилья на главной улице столицы и принадлежал герой этой истории, Станислав Михайлович Шаповалов, крупный бизнесмен, президент одной из ведущих московских строительных компаний, человек на редкость успешный и благополучный. Зрелый, но далеко еще не критический возраст (всего-то сорок!), привлекательный мужественный облик, с первого взгляда вызывающий доверие у мужчин и интерес у женщин, солидный бизнес, немалое состояние – казалось бы, что еще можно желать от жизни? Но тем и страшно подобное благополучие, что оно может рухнуть в один-единственный миг. А падать с большой высоты, как известно, куда больнее и опаснее, чем с малой...

Впрочем, еще в середине дня двадцать третьего декабря Стас и мысли не мог допустить, что в его жизни что-то может измениться в худшую сторону. Год заканчивался для него вполне благополучно. Можно было бы даже сказать удачно, если б не крайне неприятное происшествие, случившееся в ноябре – загадочная гибель Андрея Жданова, его правой руки. Однако за полтора месяца Станислав уже успел сжиться с этой трагедией и полностью отрегулировать работу компании, пошатнувшуюся было из-за такой серьезной потери. Конец года вышел, конечно, очень нелегким для него, но теперь все оставалось позади, и не имелось никаких препятствий для того, чтобы как следует отдохнуть. Зимние каникулы Стас планировал провести в Европе, в компании своей подружки, двадцатидвухлетней длинноногой блондинки Олеси, начинающей певицы, которая недавно записала свой первый альбом – разумеется, исключительно благодаря помощи Станислава. Так что перспективы в этот слякотный зимний день открывались для него самые радужные.

Стас только что вернулся домой из ресторана, где обедал с приятелем, тоже, кстати, отбывавшим сегодня вечером на каникулы. Но приятель уезжал поездом в семь вечера, а самолет Стаса с Олесей вылетал из Шереметьево-2 около полуночи. Так что до поездки в аэропорт оставалось еще немало времени, и Станислав неторопливо собирал чемоданы, расхаживая туда-сюда по своей огромной восьмикомнатной квартире. Здесь, в его любимом доме, находилось место для всего – и для рабочего кабинета, и для спортивного зала, и для двух ванных, и для столовой, которая при необходимости могла вместить до полусотни гостей. Олеся была в восторге от его жилья, казавшегося ей настоящими хоромами, она день и ночь мечтала перебраться сюда – но Стас не торопился поселить ее у себя. Когда-то, что называется на заре туманной юности, он уже приобрел неудачный опыт жизни в браке и теперь, готовясь разменять пятый десяток, все еще не ощутил потребности создавать семью. И уж тем более не испытывал потребности создавать видимость семьи с женщиной, которая хоть и привлекала его сексуально, но совсем не была ему близким человеком, а главное – не стремилась им стать. Нет, конечно, Олеся из кожи вон лезла, чтобы всячески продемонстрировать ему свою любовь и изобразить заботу. В те дни, которые они проводили вместе, она была особенно очаровательна, нежна и внимательна к нему, по десять раз спрашивала, не хочет ли он выпить чаю и не приготовить ли ему ванну... Но вот поинтересоваться тем, что творится у него на душе, поговорить о вещах, которые его действительно интересуют, которые для него значимы, послушать, как он предается воспоминаниям (что греха таить, это одно из самых любимых занятий всех людей, чей возраст приблизился или приближается к сорока) – ничего подобного вообще никогда не приходило ей в голову. Впрочем, Стаса

такие вещи особенно и не тревожили. Ему нравилось встречаться с Олесей, проводить с ней уик-энды и отпуска, возить ее в рестораны и на многочисленные светские тусовки, где он постоянно был вынужден появляться, а делать это в компании такой красивой и яркой спутницы было совсем не стыдно. Но и то, что жила Олеся в отдельной квартире, которую, разумеется, он сам для нее и снимал, Стаса тоже вполне устраивало. А дружеские подколки женатых приятелей, интересовавшихся в форме более или менее удачных острот, не грустно ли ему одному в такой большой квартире, Стас и вовсе пропускал мимо ушей. Это им, проведшим значительную часть своей жизни в коммуналках и малогабаритках, подобный стиль существования казался странным. Он же, Станислав Шаповалов, чуть ли не двадцать лет прожил за границей, в Западной Европе, где апартаменты из нескольких просторных комнат для холостого человека считаются нормой, а не роскошью, и потому ориентировался на совсем иные, не российские, а цивилизованные образцы менталитета.

Планы на отпуск у Станислава были самые грандиозные. Он собирался показать Олесе Европу, которую та, почитай, еще почти не видела (десятидневные поездки в Барселону, в Хорватию и на Кипр Стас всерьез не воспринимал), побродить по любимым улочкам старых городов, увидаться с несколькими своими однокашниками по Оксфорду, с которыми они договорились встретиться в Париже, а также как следует отдохнуть от дел и забот, насладившись празднованием Рождества. Но, как известно, загад не бывает богат...

Все началось со звонка мобильного. Так уж повелось, что в наши дни о большинстве трагедий сообщает именно телефонный сигнал, подобно тому, как в стародавние времена гул набата оповещал жителей округи о пожарах и нападениях недругов. Современные набаты стали гораздо меньше и компактнее, они напичканы электроникой и имеют куда больше возможностей, чем старинные колокола, но главная функция – сигнал тревоги – так и осталась при них. Впрочем, когда Стас снимал трубку, он еще понятия не имел, насколько дурные новости его ожидают. Взглянув на светящийся экран, он узнал лишь то, что ему звонит Сергей Головин, начальник службы безопасности принадлежащей Станиславу компании «ОСК».

– Алло, Сергей, слушаю тебя, – безмятежно ответил Стас. И был буквально сбит с ног тут же выплеснувшимся на него потоком ошеломляющей информации.

– Станислав Михайлович, беда! – прозвучало в трубке. За все время знакомства с Головиным, а это был не год, не два и даже не пять, Стас еще никогда не

слышал у него таких взволнованных интонаций. – Вас собираются задержать за убийство Андрея Жданова. Обнаружились какие-то очень веские улики против вас, какие – мне пока неизвестно...

– Что ты несешь? – в первую минуту сознание Стаса просто отказывалось воспринимать слова подчиненного. – Что за бред? Какие могут быть улики? Я не имею никакого отношения к смерти Андрея и...

– Мне-то это известно, Станислав Михайлович, – не дал ему договорить Сергей. – Но полиция считает иначе. Пока у меня не было времени во всем разобраться, но мне намекнули, что кто-то очень заинтересован в вашем аресте. Так что все очень серьезно...

– Хорошо, я сейчас позвоню своему адвокату. Мы вместе поедem в полицию, и я им все объясню, – начал было Стас, но руководитель службы безопасности снова его перебил:

– Станислав Михайлович, когда вы наконец поймете, что вы не в Англии, а в России? Тут дела делаются совсем по-другому. Адвокаты, законы, переговоры – это все там, за кордоном. А у нас если какой-то большой шишке понадобилось упрятать вас за решетку, то никакие объяснения не помогут. А тут, чуеt мое сердце, как раз та самая ситуация...

– Ты можешь выражаться яснее? – вспылил Стас.

– В том-то и дело, что не могу. У меня пока одни предположения, никаких фактов... Кроме того, что выписан ордер на ваш арест. Так что единственное, чем вы сейчас можете себе помочь, – это исчезнуть. И как можно скорее. Вас собираются взять с минуты на минуту, вот-вот выедут бойцы. Если уже не выехали. Вы дома?

– Дома, вещи собираю. У меня сегодня самолет в... – начал Стас, но его опять перебили.

– Да какой, к черту, самолет? Вы что же думаете, при подобном раскладе вас выпустят из страны? Не смешите. Нужно спрятать вас здесь, я уже об этом позаботился. Только что отправил к вам Игоря на его машине, надеюсь, он успеет быстрее ментов... Берите с собой самое необходимое, и он отвезет вас в

безопасное место. Я буду ждать вас там.

Некоторое время Стас еще в недоумении смотрел на трубку, из которой доносились короткие гудки. Потом спохватился, бестолково заметался по квартире, бросаясь от сумки к чемодану и из спальни в кабинет. Он так толком и не сумел осознать, что, собственно, произошло и почему он должен бежать, но склонен был доверять Сергею и понимал, что шутить подобным образом тот не станет. Раз Головин так сказал – значит, ситуация действительно критическая, значит, ему, Станиславу Шаповалову, грозит серьезная опасность. Значит, надо уехать, спрятаться, переждать некоторое время. А тем временем получить всю необходимую информацию, проанализировать ее – и только после этого решить, что делать дальше...

Он отыскал сумку, которую планировал взять с собой в самолет, расстегнул, чтобы доложить туда кое-что из чемодана, и в этот момент сообразил, что должен позвонить Олеся. Набрал номер и, чертыхаясь, долго слушал в телефоне длинные гудки. Позвонил еще раз, потом еще – с тем же эффектом. Олеся, как и многие женщины, обладала весьма раздражающей мужчин привычкой бросать телефон где попало или закладывать на самое дно сумочки. В результате с ней никогда не получалось связаться, когда это было срочно необходимо, а она потом делала удивленное и обиженное лицо: «Ну я же не виновата, что не слышала звонка!» Выругавшись, Стас принялся набирать ей sms-сообщение – занятие, которое он ненавидел всей душой. От волнения он нажимал не те кнопки, путал буквы. Приходилось сбрасывать текст и опять набирать по новой.

В это время дверь распахнулась, и в квартиру влетел Игорь, высокий плечистый парень, бывший, несмотря на свою молодость, одним из самых толковых подчиненных Головина.

– Станислав Михайлович, умоляю вас, скорее! – скороговоркой затараторил он. – Звонил Сергей Александрович. Он говорит, что, по его сведениям, менты совсем скоро будут здесь, и тогда мы вам уже ничем помочь не сможем. Если вы попадете в полицию, то уж точно ничего никому не докажете! Сергей Александрович настаивает, чтобы вы уезжали как можно быстрее. Машина внизу!

– Игорь, я могу захватить с собой вещи? – Стас указал на полусобранные чемоданы. – Только я еще не все успел сложить...

– На это нет времени, Станислав Михайлович! Берите только самое необходимое. Что я могу взять? – он торопливо оглянулся вокруг.

– Тогда вот эту сумку.

– Хорошо. Жду вас в машине!

– Да, я спущусь через минуту.

– Только скорее, очень вас прошу!

Игорь убежал, а Стас метнулся в кабинет, чтобы взять из сейфа деньги и документы. Обнаружив, что в кабинете приоткрыто окно, он стал закрывать его и вдруг услышал во дворе подозрительный шум. Чуть сдвинув жалюзи, Стас осторожно выглянул наружу и понял, что опоздал.

Это было как в кино – полицейские машины, омоновцы в камуфляже, четко и слаженно высыпаящиеся из фургона... Стас увидел, как двое вооруженных бойцов в закрывающих лицо шапках-масках с прорезями для глаз выводят из подъезда Игоря, заломив ему руки за спину. И в этот момент вдруг стало по-настоящему страшно. Подобного ужаса, от которого холодеет все внутри и немеют конечности, Стас не испытывал очень давно, с самого детства. Перед глазами вдруг замелькали жуткие картины, которые вызывают у законопослушных граждан, никогда не нарушавших закон, понятия «арест», «тюрьма», «камера», «заключенные», «допрос» и так далее.

Не помня себя, Стас кинулся в прихожую, торопливо обулся, сорвал с вешалки пальто и бросился прочь из квартиры, на ходу заматывая вокруг шеи длинный кашемировый шарф.

Он выбежал в коридор и рванулся к лестнице, ведущей на чердак, благо жил на предпоследнем этаже.

Скорее, скорее...

Ключ от чердака у него имелся, болтался без дела на общей связке. Когда, года три назад, Стас купил квартиру в этом доме, Сергей не только действительно

присоветовал ему запастись ключами от чердака и подвала, но и самолично, то ли в шутку, то ли всерьез, «проработал с ним пути возможного экстренного и экстремального ухода».

– На всякий случай, – говорил тогда он, ухмыляясь. – Мало ли что в нашей жизни может случиться. Надо ко всему быть готовым. Вот и отработаем подобный вариант.

Стас тогда почти смеялся над начальником службы безопасности. Ему и в голову не приходило, что уроки Сергея когда-нибудь могут пригодиться...

От волнения он долго не мог попасть ключом в навесной замок чердака. Запор не поддавался так долго, что уже мелькнула ужасающая мысль – а что если замок за это время уже успели сменить и его ключ не подходит? Тогда он пропал... Судя по шуму внизу, омовцы уже в подъезде. Очень скоро они поднимутся в квартиру, осмотрят ее, поймут, что Стас сбежал, начнут его искать и наверняка придут сюда... В тот момент, когда показалось, что топот уже совсем близко, замок неожиданно поддался. Стараясь действовать как можно тише, Стас открыл дверь, вбежал на пыльный, тускло освещаемый маленькими слуховыми окнами чердак и, распугивая нашедших здесь приют многочисленных голубей, подбежал к небольшой железной лестнице. На его счастье, люк, ведущий на крышу, был закрыт только на вставленную в металлические «ушки» толстую проволоку. Обдирая в кровь пальцы, Стас сумел размотать ее, с усилием поднял тяжелую створку люка и выбрался на скользкую, чуть припорошенную снегом крышу. Теперь, согласно указаниям Сергея, нужно было держать направление в сторону соседнего дома. У того с крыши и почти до самой земли спускалась вниз пожарная лестница. Необходимо было добраться до нее, и как можно быстрее.

Сердце буквально разрывалось в груди. Стас удивился, как это он еще ухитряется двигаться. Нет, не зря он постоянно поддерживал себя в форме, ходил в бассейн и время от времени посещал фитнес-центр. Вот и пригодилось! Но если бы не инстинкт загнанного зверя, уводивший его от опасности и вздымавший в крови упругую волну адреналина, не помогли бы никакие тренировки. К своему удивлению, Стас очень быстро достиг края крыши и довольно легко перебрался на соседнюю, благо дома стояли вплотную друг к другу и были практически одинаковой высоты. А вот поиски пожарной лестницы, как ни странно, отняли больше времени, чем предполагалось, Стас никак не мог вспомнить, где она находится, и обнаружил спуск вниз, когда уже почти потерял

надежду это сделать.

Станислав старался не думать о том, как отреагируют жители соседнего дома, увидев солидного мужчину средних лет, в пальто от Brioni и модном кашемировом шарфе с ярким зелено-белым орнаментом, спускающегося по пожарной лестнице. Оставалось только надеяться на то, что ему удастся слезть достаточно быстро и скрыться раньше, чем он успеет собрать вокруг толпу любопытных.

Сегодня Стасу определенно везло. Уже смеркалось, двор оказался почти пуст, и, похоже, в начинающихся сумерках никто не обратил внимания на движение по скрытой выступающим темным эркером лестнице. Станиславу помешало лишь то, что самая нижняя часть лестницы оказалась забита фанерой, но времени на растерянность не имелось. Спустившись как можно ниже, он повис, уцепившись руками за последнюю свободную ступеньку, постарался сгруппироваться и прыгнул с высоты приблизительно трех метров. От прыжка Стас упал, довольно чувствительно ударился плечом об асфальт, но тут же, не обращая внимания на боль, вскочил на ноги, как следует отряхнулся, торопливо огляделся и направился к выходу из двора. Нажал кнопку на электронном устройстве, открыл кованую металлическую калитку и оказался на улице.

Куда идти, он представления не имел, понимал только одно – оставаться на месте опасно. И потому быстрым шагом двинулся по Тверской, в сторону, противоположную от его дома. Успокоиться и взять себя в руки пока не получалось, он не мог сдерживать тревоги и то и дело оборачивался. Но все-таки какая-то часть его мозга не была охвачена паникой, Стас еще мог что-то замечать и анализировать. Потому-то и отметил, что уже несколько раз видел одного и того же человека, который упорно следовал за ним. Крупный, слегка сутулый мужчина в темной куртке, застегнутой выше подбородка, и черной вязаной шапке, надвинутой на глаза так низко, что почти не видно лица. Правую руку он держал в кармане, а левой мерно покачивал при ходьбе.

Если бы не этот человек, Стас, возможно, остыл бы, стряхнул с себя захвативший его азарт бегства. Ведь бежать ему, если подумать, было теперь некуда. Без денег, без документов... В любом случае его рано или поздно поймут. Не лучше ли вызвать адвоката и достойно отдать себя в руки правосудия? А там будь что будет!

Но сейчас ситуация резко обострилась и обрела вполне конкретные и очень опасные очертания. Каким-то шестым чувством Стас понял, что этот человек охотится именно за ним. И что ничего хорошего ждать от него не приходится.

Станислав резко свернул за угол и прислонился к холодному металлическому боку уличного газетного киоска. И почти тут же он услышал уверенные шаги. Преследователь появился сразу же за ним, оглянулся – и увидел Стаса.

Их взгляды встретились, и выражение глаз этого человека поразило Станислава. Впоследствии он много раз с замиранием сердца вспоминал его, но так и не сумел описать словами. Эти глаза были абсолютно пусты, в них точно пряталась бездна, страшная, черная, которая, казалось, готова была поглотить в себя все живое...

Голова Стаса закружилась, и он внезапно, как по наитию, осознал, с какой целью его преследует этот человек. Озарение пришло за несколько мгновений до того, как тот вынул из кармана правую руку, в которой что-то тускло блеснуло в свете вечерних огней Тверской. В тот момент Стас еще не успел осознать, что это такое, но чисто интуитивно дернулся в сторону и вниз – и это бессознательное движение спасло ему жизнь. Что-то обожгло левое плечо, но он не стал прислушиваться к своим ощущениям, поняв наконец, что держал в руках противник – пистолет с неестественно длинным стволом.

«Глушитель!» – догадался Станислав, хотя до этого видел подобное только в боевиках. И инстинктивно бросился на противника, со всей силы толкнув его обеими руками в грудь. Тот явно не ожидал такой реакции, покачнулся и не устоял на ногах, упал навзничь. И, кажется, выронил пистолет. В последнем Стас не был уверен, потому что не стал ввязываться в драку, а кинулся прочь.

Станислав ясно понимал, что тот, кто напал на него посреди людной улицы, несомненно, профессионал. Он сделает все, чтобы чисто убрать клиента, бороться с ним человеку, не имеющему никакой специальной подготовки, бесполезно. Потому Стас и решил бежать. Из последних сил он рванул прямо через проезжую часть. Заскрежетали тормоза, мелькнули за стеклами автомобилей расплывчатые лица водителей, за спиной кто-то заорал, не стесняясь в выражениях в адрес Стаса, и противоположный тротуар словно подпрыгнул к его ногам. Теперь от преследователя его отделял поток мчащихся автомобилей.

Стас летел, не разбирая дороги, налетая на шарахавшихся от него прохожих, пару человек он попросту сбил с ног и, не обращая внимания на их крики, мчался дальше. Мелькали светящиеся вывески магазинов и кафе, кружились в лихорадочном хороводе наряженные к приближающемуся Новому году елки в витринах, что-то гневно орали вслед встречные... Вперед, вперед!.. Стас бежал, не отдавая себе отчета, куда бежит и где закончится эта безумная гонка.

Через какое-то время он понял, что этим своим беспорядочным отчаянным бегством только привлекает к себе внимание. Прохожие могут запомнить его и указать преследователям, куда побежал этот ненормальный. Осознав это, Стас заставил себя перейти на быстрый шаг. Надо отдышаться и решить, что делать дальше...

Но что делать дальше?

Стасу казалось, что удирал он очень долго и отбежал от места столкновения с убийцей минимум на несколько километров. И он был бы очень удивлен, если бы осознал, что на самом деле удалился всего на несколько кварталов от газетного киоска, который чуть было не стал свидетелем его смерти. Но Станислав в тот момент не очень хорошо осознавал происходящее. И сам не знал, что заставило его вдруг свернуть с Тверской в тихий узкий переулок, похожий на сумрачный тоннель, в конце которого никогда не блеснет свет. Почти сразу ему бросилось в глаза невысокое угрюмое темное здание, плотно обтянутое грязно-зеленой сеткой и кое-как обнесенное деревянным забором. Особняк мог бы стать для него спасительным укрытием – но сначала надо было в него как-то попасть. Вот только как? Осматриваясь, Стас заметил в заборе небольшую дыру, что-то вроде собачьего лаза. Может, проникнуть через нее? Нет, отверстие слишком мало, туда не протиснуться. Он подскочил к дыре и ударил ногой по хлипко сбитым доскам. Удар неожиданно отозвался резкой болью в плече. Стас машинально приложил руку к этому месту, потом взглянул на свою ладонь – пальцы были в крови. Неужели он ранен? Сжав зубы, Стас ударил еще раз и еще... Вцепился в доски руками, рванул... Наконец одна доска все-таки поддалась. Он сдвинул ее в сторону и с трудом стал протискиваться в образовавшуюся щель, при этом его длинный кашемировый шарф зацепился за гвоздь и чуть не задушил своего владельца. Стас рванулся, упал и оказался по ту сторону забора.

Не поднимаясь с земли и сдерживая дыхание, он осторожно задвинул доски и обессиленно привалился спиной к ограде.

Кажется, ушел...

Глава вторая

За восемь дней до Нового года

«Глок» привычно лежал в ладони. Сергей Головин медленно и плавно поднял руку. Он слился с оружием, пистолет стал его продолжением, частью его самого. Не нужно было думать, как целиться, когда нажать на спусковой крючок – все происходило само собой, словно и без его участия. Такое не бывает случайностью, подобное умение – настоящее искусство, оно достигается долгими и упорными тренировками. Но и одних тренировок тут явно мало. Нужен еще и длительный опыт, привычка рисковать жизнью, когда от быстроты и точности каждого твоего движения напрямую зависит, будет ли и впредь над тобой светить солнце – или оно погаснет, возможно, что и навсегда.

Пистолет коротко дернулся. Сергей тут же кувырком ушел в сторону и в движении выстрелил еще два раза. Снова поменял позицию, и вновь прогремели два выстрела.

Теперь можно посмотреть и на результаты.

– Сергей Александрович, почти все в «десятку», – восхищенно сообщил Иван, один из самых здоровенных его бойцов, накачанный и налысо бритый парень. – А кучно-то как...

– Учитесь, салаги, – снисходительно сказал Сергей своим подчиненным, с почтительным любопытством рассматривавшим мишень.

Он-то знал, что без реальной опасности, без немигающего взгляда смерти, уставившейся тебе в глаза, достичь такого искусства почти невозможно, тренируйся хоть до посинения. Сергей был доволен, что до сих пор не растерял боевых навыков. Есть еще порох в пороховницах. Мы еще проживем, постреляем. Поборемся за достойное место под этим солнцем.

– Продолжайте тренировку, – коротко бросил он, – Иван, остаешься за старшего. Я поеду в контору, – и вышел из тира.

Верный боевой конь, «Лендкрузер»-трехлеток (пора бы уже сменить на что-нибудь поновее, да уж больно он к нему привык, сроднился, можно сказать), весело мчал своего хозяина по неожиданно свободным улицам в сторону центра. Офис «Объединенной Строительной Компании», который Сергей Головин по старой привычке служилых людей панибратски именовал конторой, располагался на Бульварном кольце, в старинном особняке, находившемся – вот ведь удивительное совпадение! – в каком-нибудь получасе неторопливой прогулки от того полуразрушенного особняка, что дружил с большим вязом. Более того, эти дома были почти ровесниками. Так что встретиться оба особняка парадным входом к парадному, у них наверняка нашлось бы о чем поговорить-покалякать, глядишь, и общих знакомых бы отыскивали... Да вот только не встретятся они, не поговорят. Слишком разные у них получились судьбы. Один умирал в переулке под сенью старого вяза, зато другой наслаждался самым что ни на есть своим расцветом. Был он недавно отреставрирован, вычищен и ухожен так, что залюбуешься – сразу видно, что потрудились над ним заботливые и умелые специалисты. Свежевыкрашенный охрой, что так идет зданию в стиле «ампир», фасад с заботливо восстановленными белоснежными коринфскими колоннами, чистые арочные окна, может, и со стеклопакетами, но рамы на первый взгляд от старинных ни за что не отличить. В небольшом палисаднике нашлось место и клумбам, и высоким деревьям, от кованых ворот в литой чугунной ограде к дому плавно убегает гранитная подъездная дорожка. Словом, загляденье – да и только.

Кажется, вот-вот откроется тяжелая резная дверь особняка, на пороге появится швейцар в малиновой ливрее и зычным басом прикажет подавать карету. И застучат колеса, качнется на рессорах карета, влекомая двумя серыми в яблоках рысаками, на порог дома выпорхнет хорошенькая быстроглазая девушка в модной шляпке, только вчера купленной во французском магазине на Кузнецком Мосту. Вскинет убранную локонами головку, махнет затянутой в лайковую перчатку ручкой маменьке, глядящей на нее из окна мезонина, чуть приподнимет кружевной подол юбки, поставит на ступеньку узкую ножку, обутую в изящную высокую ботинку, и юркнет в шелковое нутро кареты. На запятки вскочит дюжий лакей в расшитом галунами камзоле, всхрапнут, косясь горячими глазами, рысаки, и карета, набирая ход, резво тронется со двора...

Но – увы! – ничего этого не произойдет уже никогда.

Нет больше карет, нет рысаков, нет французских модисток на Кузнецком Мосту. А есть заметная даже в ранних зимних сумерках спутниковая тарелка, высунувшаяся из-за стройной колонны, есть тянущаяся над особняком нотная линейка проводов и электрические лампочки в тщательно стилизованных «под старину» фонарях. И на стоянке сбоку от особняка замерли вовсе не кареты с фамильными гербами на дверцах, а современные автомобили, все как один – новенькие иномарки с блестящими боками, в которых отражается, играя, свет уличных фонарей.

Именно на этой стоянке и парковал свою машину начальник службы безопасности, когда в кармане его куртки запиликал мобильный телефон. Кинув взгляд на экран, Сергей сразу сосредоточился – разговор с этим собеседником мог оказаться важным. Однако в ту минуту, когда в душе сохранялось еще отличное настроение, прихваченное с собой из тира, он даже и представить себе не мог, насколько важным будет это телефонное сообщение...

Звонил Сергею старый знакомый, можно даже сказать, приятель, Юра Антипов. Когда-то, в столь далекие теперь уже годы юности, они с Юркой вместе приобретали первые запасы того бесценного боевого опыта, о котором вспоминал сегодня Сергей, и крепко дружили. Но те времена давно миновали. Потом их дороги разошлись, Головин подался охранять бизнесменов, а Юрий остался на службе в правоохранительных органах и теперь работал на Петровке, в отделе аналитики. До недавнего момента встречались они с Сергеем нечасто, бывало, что и не каждый год, только созванивались регулярно. Но этой осенью, когда в «Объединенной Строительной Компании» случилось ЧП и при загадочных обстоятельствах погиб один из владельцев фирмы Андрей Жданов, Головин на всякий случай снова наладил связь с Юркой, чтобы держать руку на пульсе. Месяца полтора тревожиться было особо не о чем, следствие шло ни шатко ни валко – и вдруг, как гром среди ясного неба, этот звонок.

– Сегодня у меня, Серега, фиговые новости, – сразу выдал с места в карьер Юрий, забыв даже поздороваться. – Похоже, твоего шефа хотят подставить по-крупному.

– А конкретнее? – Сергей заглушил мотор и вынул ключи из замка зажигания.

– А конкретнее – я только что узнал, что суд выдал ордер на его арест. Станислава Шаповалова подозревают в убийстве своего партнера по бизнесу.

– Что за херня?! – От изумления Головин чуть не выронил ключи. Он в тот момент собирался уже выйти из машины, но не вышел, так и остался сидеть за рулем. – На каких основаниях?

– Пока ничего тебе сказать не могу, – отвечал собеседник. – Знаю только о планируемом задержании. Я, как ты понимаешь, дал команду, чтобы меня держали в курсе, как идет следствие по этому делу. Вот мне и шепнули, что ребята нарыли какие-то улики против Шаповалова, да настолько веские, что надо прямо сейчас его брать... Но что именно за улики – мне пока неизвестно.

– Бред какой-то... – от подобного сообщения даже привычный к экстремальным ситуациям Сергей Головин на миг растерялся.

– Мое мнение – тут что-то нечисто, – продолжал тем временем Юрий. – Кому-то это все очень на руку, вопрос – кому и зачем. В общем, слушай меня внимательно. Бросай все, дуй сейчас к своему шефу, запикивай его в машину, увози из дома и хорошенько спрячь где-нибудь. Если его возьмут, это здорово осложнит дело. Кто его знает, что за игру там затеяли и чем она обернется... Вплоть до того, что могут и в камере убить. Так что действуй, а я пока разужнаю что к чему, как только что-то прояснится – перезвоню. Все, отбой.

И в трубке запиликали короткие гудки.

Сергей приоткрыл окно автомобиля, полной грудью вдохнул прохладного сырого воздуха и потер ладонями виски. Времени на раздумья не оставалось, нужно было срочно что-то предпринимать.

История со смертью Андрея Вячеславовича Жданова действительно выглядела как-то очень странно, чтобы не сказать – подозрительно.

С момента основания и до недавнего времени у фирмы «ОСК» было два владельца. Вроде бы и полноправных – и одновременно не совсем. Однажды, когда Сергей учился в школе, классе в седьмом, он, отвечая на геометрии, сморозил глупость, заявив, что отрезок делит окружность на две неравные половины. Над ним тогда смеялся весь класс и даже учительница – ну как это половины могут быть неравными? Но много лет спустя, когда судьба привела его в «Объединенную Строительную Компанию», Головин не раз вспоминал эту свою детскую оговорку, очень уж точно она характеризовала распределение ролей

между руководством фирмы. Потому что основатель фирмы Михаил Шаповалов, отец нынешнего владельца «ОСК», Станислава, всегда был впереди и во главе, а его партнер Жданов словно бы прятался в его тени. При этом Андрей был отличным специалистом, чуть ли не вся, что называется, исполнительская сторона деятельности фирмы – собственно, строительство, работа с подрядчиками и все такое прочее – была полностью в его руках, и он с ней отлично справлялся. Но как-то так повелось, что все заказчики и партнеры считали «ОСК» безраздельной собственностью Михаила Шаповалова, многие из них даже не подозревали, что пятьюдесятью процентами акций компании владеет незаметный и мало кому известный Жданов. И того подобное положение вещей полностью устраивало, он сам не любил внимания к своей персоне.

Сергей Головин, который отнюдь не был туповатым солдафоном (которым изредка, когда это было нужно, умело прикидывался), любил иногда на досуге анализировать поведение различных людей и размышлять о его причинах. Думая об Андрее Вячеславовиче, Головин пришел к выводу, что скрытность и замкнутость Жданова обусловлены его интимной тайной: он был представителем нетрадиционной сексуальной ориентации. В студенческие годы, пришедшиеся на начало семидесятых, Андрей женился на однокурснице и прожил с ней в браке год или полтора, но к моменту окончания института они уже развелись, и с тех пор Жданов больше не обзавелся семьей, видимо, раз и навсегда поняв, что женщины его вообще не интересуют. Однако и свою склонность к мужчинам он также всю жизнь хранил в строгом секрете – не только в молодые годы, когда гомосексуализм считался преступлением, но и позже, когда сто двадцать первая статья Уголовного кодекса была уже отменена. И в наши дни, когда многие выставляют напоказ свою гомосексуальность и чуть ли не гордятся ею, тыча в глаза всему окружающему миру, Андрей предпочитал держаться в стороне от этой демонстрации. Знали о его пристрастиях очень немногие, в офисе, например, разве что только партнер Михаил Шаповалов, ну и Сергей Головин, конечно, по долгу службы. Остальные, включая вездесущих секретарей, могли об этом только догадываться.

Постоянных привязанностей Жданов не имел, ограничивался нечастыми разовыми партнерами. И вообще, как знал Головин, с годами его неяркая личная жизнь и вовсе свелась к минимуму, все интересы Андрея Вячеславовича стали ограничиваться работой. При таких доходах, которые приносила ему строительная компания, Жданов давно бы мог уже удалиться от дел, купить себе уютное жилье (да не домик в Подмоскovie, а виллу на Канарах!) и безбедно существовать, наслаждаясь благополучием и роскошью. Однако материальная

сторона бытия его, похоже, вообще не интересовала. Андрей жил, как настоящий аскет, в удобной, но весьма скромной по виду московской квартире, и был совершенно равнодушен ко всем игрушкам для богатых, с помощью которых состоятельные люди так любят подчеркнуть свою респектабельность – престижным автомобилям, стильным аксессуарам, дорогостоящим хобби. Из всего этого списка Жданову нравились только путешествия, он с удовольствием ездил по миру, не жалея на это средств, но позволял себе подобные развлечения нечасто, раз, максимум два в год, поскольку был очень занят.

Жданов очень много работал, но редко бывал в офисе, с утра и до поздней ночи пропадал на объектах, предпочитая лично контролировать чуть ли не каждый этап, каждую деталь процесса строительства, от архитектурных планов и смет до завершения реставрационных работ и от рытья котлована до внутренней отделки помещений. На стройке была его жизнь – и там же, на стройке, встретил он и свою смерть. Однажды, уже довольно поздним вечером, Андрей Вячеславович приехал на объект – высотный дом в районе Рязанского проспекта – и зачем-то поднялся один на самые верхние, еще строящиеся этажи. Через некоторое время сторожа обнаружили его тело на земле. Согласно заключению медицинской экспертизы, Жданов погиб, упав с большой высоты. Однако что послужило причиной этого падения, никто с уверенностью сказать не мог. И следователи, и сотрудники компании терялись в догадках. Смерть Андрея Вячеславовича горячо обсуждалась в офисе, но прийти к единому мнению никак не получалось. Возможно, говорили одни, произошел несчастный случай – у не слишком молодого и не слишком здорового человека внезапно закружилась голова, когда он подошел близко к краю неогороженной площадки. Однако в ответ на это предположение скептики тут же выдвигали контраргумент – неужели человек, более сорока лет проработавший в строительстве, будет пренебрегать такими важными правилами техники безопасности? Была версия и о суициде, ее сторонников не смущало то, что причин добровольно покидать этот мир у Жданова вроде бы не было. «Просто мы их не знаем, – уверяли они. – Андрей Вячеславович был таким скрытным человеком, никому не ведомо, что творилось у него в душе. Может, он пережил какое-то горькое разочарование или у него нашли неизлечимую болезнь. Или он просто устал жить, знаете, как иногда бывает...» Полиция тоже рассматривала подобный вариант объяснения смерти – но безуспешно. Никаких данных об опасных болезнях и внезапных ударах судьбы обнаружено не было. По отзывам свидетелей, Жданов последнее время был таким же, как и всегда – спокойным, уравновешенным, увлеченно занятым своим делом. Поверить в то, что такой человек вдруг ни с того ни с сего покончит жизнь самоубийством, не оставив никакой предсмертной записки и никак не объяснив своего поступка, было

нелегко. Так что оставалась еще третья гипотеза, самая популярная – убийство. И полиции, и сотрудникам офиса подобное объяснение представлялось наиболее вероятным – до тех пор, пока дело не доходило до ответа на вопросы «Кто?» и «Зачем?». Конечно, Жданов был очень состоятельным человеком, однако родственников, не только близких, но и дальних, у него не имелось, и вопрос с наследством до сих пор оставался открытым. Так что на преступление, совершенное из корысти, предполагаемое убийство никак не походило, во всяком случае, на первый взгляд. Да и найти врагов Андрея, людей, которым он мог помешать, тоже оказалось не так-то просто. И самая, казалось бы, убедительная версия объяснения смерти Жданова также зашла в тупик.

По крайней мере, именно так думал до сегодняшнего дня Сергей Головин, который, в глубине души не доверяя родной полиции, вел и собственное расследование странного происшествия на стройке. Он тоже не мог найти никаких концов и, что самое неприятное, даже не сумел установить, с какой целью Жданов поехал в то время на объект. В ответ на такой прямой вопрос подчиненные лишь пожимали плечами и начинали бормотать что-то о характере Андрея Вячеславовича, который привык держать все под собственным контролем и вполне мог даже и ночью приехать что-то посмотреть, если ему такая идея приходила в голову. Но все это, разумеется, не убеждало Сергея. Будучи человеком добросовестным и настоящим профессионалом в своем деле, он чувствовал, что не успокоится, пока не найдет убедительного решения этой загадки. Тем более что за семнадцать с лишком лет, проведенных на этой фирме, компания «ОСК» уже давно стала для него много больше, чем просто службой. Головин был и по-человечески привязан к Михаилу Шаповалову, который дал ему работу в трудные времена и несколько раз по-крупному выручал его, когда случались неприятности (а у кого их не бывает?). Симпатизировал Головин и сыну Шаповалова, этому воспитанному в Европах парню, который так толком и не сумел прижиться на российской почве. К Стасу, особенно после смерти его отца, Сергей относился даже несколько покровительственно, хотя был старше его совсем не на много лет, максимум на семь. И вот теперь кому-то пришла в голову идиотская мысль объявить Стаса убийцей. В том, что босс не имеет никакого отношения к смерти партнера, Головин, с его-то опытом и знанием людей, был стопроцентно уверен. Однако, как понял он из слов Юрки, дело было даже не в том, что полиция взялась всерьез подозревать Станислава, а в том, что сына Михал Анатолича кто-то решил подставить. Кто и зачем – Головин пока не знал. Но дал себе слово разобраться в этом, и как можно скорее.

Однако каждому овощу свое время. Для начала нужно было не допустить, чтобы Стас попал в руки полиции. Необходимо было побыстрее спрятать его в как можно более надежном месте.

Место такое у Сергея на примете имелось. Это была дача его бывшей подружки километрах в восьми от Кубинки – не дача даже, а полноценный дом, теплый и удобный, где было вполне комфортно жить в любое время года, даже сейчас, в эту промозглую бесснежную зиму. Светлана, владелица дачи, несколько лет назад переехала в Германию, но жечь за собой мосты не спешила, сохраняла российское гражданство и собственность. Оставшуюся в Москве большую квартиру она сдавала каким-то иностранцам, а дачу, уезжая, оставила на попечение бывшего любовника, взяв с него клятву, что он будет как следует присматривать за ней. Что Сергей и делал со всей ответственностью, впрочем, и не без удовольствия для себя. Именно на этой даче он планировал встретить через неделю Новый год – в компании друзей и подальше от жены. Теперь от этих планов, конечно, пришлось отказаться, но благополучие шефа представлялось куда более важным делом, чем ночная пьянка с шашлыками на свежем воздухе.

Так и не выйдя из автомобиля после разговора с Юрием, Сергей снова завел мотор и выехал со стоянки. Выруливая на Бульварное кольцо, он одновременно набрал номер Игоря, самого толкового из охранников босса, и дал парню ясные четкие указания. Дважды повторять не пришлось – Игорь понял команду с полуслова и заверил, что уже выезжает за Станиславом Михайловичем.

Нужно было сделать еще несколько звонков – Виктору, новому, но уже хорошо зарекомендовавшему себя охраннику, прошедшему службу в десантных войсках – пусть подстрахует Игоря. В таком деле, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Виктор принял звонок моментально и, записав адрес шефа, отпраповал, что выезжает немедленно.

Уточнив еще раз все детали, Головин нажал кнопку отбоя и тут же перезвонил Стасу. Тот в общем и целом держался молодцом, не впал в панику, не закатил истерику (а подобного поведения в экстремальных ситуациях Сергей насмотрелся предостаточно у лиц обоего пола, причем у мужчин даже чаще). Убедившись, что его правильно поняли и указания выполняются, Головин позволил себе немного расслабиться. Пока все под контролем, ситуация не вызывает опасений. Если в дороге не случится никакого форс-мажора, он приедет на дачу чуть раньше шефа, отопрет ворота и дом (ключи у него всегда

были с собой, на всякий случай) и успеет даже включить отопление. А после того как придут Игорек с Виктором и со Станиславом и он, Сергей, убедится, что босс в полной безопасности, нужно будет вернуться в Москву, навестить Юрку и тогда уже все как следует разузнать.

Автомобиль Сергея уже въехал на Кутузовский проспект, когда раздался сигнал мобильного. Это вновь звонил Юра.

– Плохо дело, Серега! – почти крикнул он. – За твоим шефом аж ОМОН отправили. Едут к вам в офис.

– А пусть прокатятся, – хмыкнул Головин. – Михалыча там все равно нет, он в отпуске с сегодняшнего дня. Обыск и прочие перфомансы будут устраивать?

– Похоже, нет, не планируется. Пока им нужен только Шаповалов, но очень срочно.

– Что ж так приспичило?

– Да не знаю я пока... Но чувствую – дело тут нечисто. Ладно, я перезвоню, будь на связи.

Размышляя, не вернуться ли, пока не поздно, в центр, чтобы самому поехать за Стасом, Сергей одновременно набирал номер Игоря.

– Ты где?

– Да уже почти на месте, Сергей Александрович, Маяковку проезжаю.

– Ясно. Давай скорее, а то у вас будет шанс маски-шоу увидеть. Говорят, они сначала в контору поедут, а потом к вам.

– Все понял, через пару минут буду на месте.

– Ладно, отзовись мне, как только заберешь шефа.

– Слушаюсь, – по-военному откликнулся Игорь.

Двигаясь дальше по Кутузовскому в сторону области, Сергей гадал, чем может обернуться визит омоновцев в контору. Юрка сказал, что обыска проводить не будут, значит, тревожиться особенно не о чем. Придут, узнают, что главы фирмы нет, может, для острастки покуражатся, построят народ, отберут телефоны и все такое, пошумят немного да и уберутся восвояси. Нет, в фирме присутствие руководителя службы безопасности сейчас явно не требуется, там обойдутся без него. А вот то, что звонка от Игоря все еще не поступало, уже начинало волновать. По расчетам Головина, они с шефом уже должны были выезжать с Тверской... Что ж Игорек молчит, не сорвалось ли дело?

Не выдержав, Сергей сам набрал номер подчиненного и послушал безнадежные длинные гудки. Телефон Виктора не отвечал. Да что же это такое?! Ситуация Головину уже здорово не нравилась. Вскоре после того, как «Лендкрузер» пересек МКАД, Головин притормозил, съехал на обочину и стал упорно дозваниваться до подчиненных, но те по-прежнему не выходили на связь. Презрев все правила дорожного движения, он круто повернул руль, развернулся и двинулся в Москву.

Обратная дорога заняла больше времени – вечерело, люди уже начали выезжать с работы, число и величина пробок значительно выросли. Когда Сергей наконец добрался до дома на Тверской, где жил его патрон, уже давно стемнело. Но это не помешало Головину сразу же увидеть, как только он оказался во дворе, припаркованную почти у самого подъезда машину Игоря. От этого зрелища сразу опустились руки. Значит, не успел Игорек...

Вынув молчаливый телефон, Сергей набрал номер Юрия.

– Что ж ты мне даже не сообщил, что их взяли? – прорычал он.

– Кого? – изумился собеседник. – Ты ничего не путаешь? По моим сведениям, задержать Шаповалова не удалось, его объявили в розыск...

– Как это – не удалось? А где же он тогда?

– Ну, это тебе лучше знать, – усмехнулся Юрка.

Окна квартиры шефа были темны, но это не обязательно значило, что дома никого нет. То есть, конечно, это говорило лишь о том, что там нет хозяина. По всей вероятности, в квартире оставили засаду. Подниматься Головин не стал. На всякий случай несколько раз позвонил Стасу на мобильный. Разумеется, это ничего не дало. Ни шеф, ни охранники по-прежнему не отзывались. Тогда руководитель службы безопасности прибег к методу, который полицейские в кино используют гораздо чаще, чем в жизни – занялся поиском свидетелей. Отыскал дворницкую, заглянул в нее, переговорил с собравшимися там плосколицыми и узкоглазыми мужчинами разных возрастов, вероятно, киргизами. Ему повезло – один из дворников, молодой, крепкий, судя по всему, неглупый и сообразительный парень отлично изъяснялся по-русски. Он представился Аликом и в ярких красках сумел описать приезд ОМОНа и то, как бойцы в камуфляже и масках вывели из подъезда, заломив руки, высокого плечистого молодого мужчину в джинсах и кожаной куртке. Сразу узнав по описанию Игоря, Сергей молча кивнул. Но дальше начиналась тайна, покрытая мраком. И Алик, и его менее способные к языкам соотечественники, все в один голос твердили, что арестован был только один-единственный человек – вот этот самый парень. Да, бойцы заходили вон в тот подъезд, видимо, поднимались куда-то на верхние этажи – но вышли оттуда несолоно хлебавши, того, за кем они приезжали, в квартире не оказалось. Щедро отблагодарив ценных свидетелей, Головин вернулся в свою машину и выехал со двора. Делать ему здесь больше нечего.

И почти тут же зазвонил телефон. На экране возник номер Виктора. Ну, наконец-то хоть какие-то концы по данному делу!

– Что случилось? Где ты? – крикнул Головин в трубку.

– Все сорвалось, – прозвучал глухой, будто сорванный, голос подчиненного. – Мы не успели. Игоря, я видел, забрали, Станислав Михайлович куда-то делся. Кажется, он ушел через крышу. Попытался отследить его, но потерял. Мне еще покрутиться в окрестностях?

Сергей нахмурился. Похоже, дело еще хуже, чем он предполагал.

– Покрутись, – велел он Виктору, – а я поеду разберусь с Игорьком.

- Принято, - четко отрапортовал подчиненный и отключился.

Приятно работать с профессионалами. Они еще повоюют.

Но для начала нужно разобраться, куда могли отвезти Игоря, и ехать туда выручать парня.

С освобождением пришлось повозиться. Хотя на Игоря у полиции ничего не было, да и быть не могло, отпускать его долго не хотели. Головин вызвал лучшего адвоката, с которым сотрудничала их компания, несколько раз звонил Юрке, чтобы тот задействовал свои рычаги, сам долго беседовал со следователем, отвечая на всевозможные вопросы разной степени каверзости, и наконец добился своей цели - его подчиненного выпустили, напоследок дважды предупредив, чтобы не вздумал уезжать из города. Сергей лично добросил парня до его машины, а по дороге во всех подробностях расспросил о происшедшем. Сообщил Игорь не так уж много, подтвердив сведения, уже полученные от Виктора. Опираясь на имеющуюся информацию, он почти с уверенностью мог утверждать, как именно скрылся от полиции Стас - ведь именно Сергей показал ему возможный отходной путь. Но вот куда шеф мог деваться после побега - пока оставалось для Головина загадкой.

Глава третья

За восемь дней до Нового года

Некоторое время Стас неподвижно лежал на грязном разбитом асфальте, кое-где припорошенном тонким слоем подтаявшего снега. Холода он не чувствовал. С тех пор как там, за газетным киоском, пуля впиалась в него и ожгла своим горячим мучительным поцелуем, прошло уже немало времени, но только сейчас он по-настоящему ощутил боль. Боль, становящаяся с каждым мгновением все сильнее. От нее кружилась голова и плыло перед глазами кроваво-красное марево. В этом тумане сам Стас не мог понять, открыты у него глаза или закрыты. Шок, заставивший его мчаться на бешеной скорости по Тверской, не обращая внимания на рану, постепенно проходил, и теперь Стас чувствовал себя

совершенно измотанным и обессиленным настолько, что трудно было даже пошевелиться. Наверное, он все-таки потерял сознание, но, видимо, не полностью, поскольку не отключился, а находился словно бы в бреду. То ему представлялось, что он все еще бежит по темному, перечеркнутому косыми тенями, страшному своей тишиной и безлюдностью переулку-тоннелю, то чудилось, что он снова пытается пролезть в щель ограды и забор сдавливает его ребра своими деревянными ребрами... То вдруг отчетливо, точно наяву, вставал перед глазами его преследователь, который с этим жутким, нечеловеческим выражением лица вскидывал уродливый удлиненный пистолет, а Стас, оцепенев от ужаса, не мог отвести взгляда от черного дальнозоркого зрачка ствола. Снова и снова звучал в его ушах еле слышный щелчок выстрела, казавшийся Стасу оглушительным взрывом, и снова он резко дергался, пытаясь уйти в сторону от летящего навстречу маленького свинцового сгустка смерти.

Должно быть, в какой-то момент Стас вздрогнул не только мысленно, потому что забор вдруг покачнулся, и несколько капель талой воды стекло прямо за шиворот. Ледяная струйка, скользящая по спине, ненадолго привела Стаса в чувство. Во всяком случае, впервые за это время в голове пронеслась более или менее связная мысль – похоже, он все-таки сумел оторваться от своего кошмарного преследователя. Это осознание приободрило и придало сил. Однако следом за первой мыслью тут же пришла и вторая – о том, что ни в коем случае нельзя оставаться здесь и продолжать валяться у забора. Во-первых, потеряв сознание, он может просто-напросто замерзнуть, ведь на дворе пусть и теплый, но все равно декабрь. А во-вторых, весьма вероятно, что убийца продолжает его искать. Что если он начнет прочесывать этот переулок, догадается заглянуть через забор и увидит его? Нет, нужно заставить себя подняться и обязательно найти более подходящее место для укрытия. Хотя бы спрятаться в развалинах особняка.

Стас попробовал подняться на ноги, но это удалось не сразу. Голова сильно кружилась, принять вертикальное положение было очень тяжело. Его тут же повело, он снова повалился на бок и сумел справиться с собой лишь после нескольких мучительных попыток, каждая из которых давалась с огромным трудом. Наконец он все-таки встал, держась за забор, сделал вперед шаг, потом другой. После этого шаткую опору пришлось выпустить из рук, и такая потеря оказалась критической, Стас покачнулся и упал на четвереньки. Опять поднялся не сразу, с массой усилий. Еще один шаг, снова падение... На третий раз он сообразил, что вставать на ноги, собственно, и необязательно, можно продвигаться к своей цели – зияющему чернотой дверному проему в стене дома – и на карачках. Что он и сделал. На четвереньках, а то и вовсе ползком

Стас кое-как добрался до особняка, ценой невероятных стараний вскарабкался на то, что когда-то было крыльцом, и оказался внутри. Это путешествие, за время которого нужно было преодолеть всего каких-то несколько метров, отняло у него не менее получаса и абсолютно все силы. Упав на пороге дома, он отключился, на этот раз уже полностью, провалившись в беспросветную мглу, где не было ни мыслей, ни ощущений, ни кошмаров.

Трудно сказать, как долго Стас был в забытьи. Но явно мог бы проваляться вот так без чувств и гораздо дольше, если бы его вдруг не потрясли за руку, и звонкий голос не произнес бы над самым ухом:

- Эй! Ты чего тут разлегся?

Стас услышал этот голос, но он донесся до него, словно через толстый слой ваты. Не то что ответить, но даже осознать, о чем его спрашивают и его ли вообще спрашивают, он был не в силах. Да и не было у него совсем никакого желания как-то реагировать на этот голос. Сейчас хотелось только одного – снова впасть в утешительное забытие, где нет этой жуткой боли в плече и вообще ничто не тревожит...

Однако, судя по всему, оставлять в покое его не собирались. Стас чувствовал, что его трясут все сильнее, а голос продолжает звучать:

- Вот ведь нашелся тут пьянчуга на мою голову! Вставай! Поднимайся сейчас же! Я кому говорю?!

И так как он продолжал лежать без движения, то в голосе через некоторое время появились испуганные нотки:

- Эй, ты жив вообще? Что с тобой?

Наконец Стасу удалось собраться с силами, он застонал и открыл глаза.

Постепенно к нему возвращались ощущения, одно неприятнее другого – боль, холод, невероятная усталость и мерзкий, почему-то отдающий железом, солоноватый привкус во рту. Потом включилось обоняние, и Стас в полной мере смог оценить, чем «благоухает» вход в заброшенный старый дом. Зрение же из

всех пяти известных человеческих чувств вернулось к нему последним. Понадобилось некоторое время, прежде чем он сумел разглядеть в тусклом отблеске уличного освещения того, кто так настойчиво тормозил его. Почти сразу Стас понял, что перед ним ребенок, девочка лет десяти, максимум двенадцати. То, что это именно девочка, можно было догадаться лишь по тому, что из-под рваной грязной курточки неопределенного цвета торчало нечто, напоминающее юбку или платье – трикотажный подол в полосочку со спущенными в нескольких местах петлями. Остальные части наряда склонившего над ним ребенка выглядели еще более удручающе: на голову натянуто несколько вязаных шапочек, выглядывающих одна из-под другой, на ногах толстенные, собравшиеся в гармошку рейтузы и старые, подвязанные веревкой сапоги со сломанной «молнией», которые явно были на много размеров больше, чем требовалось их хозяйке. Шея этого жалкого и в то же время очень энергичного, судя по голосу, существа несколько раз была обмотана почти до самого рта грязным шарфом. В руках девочка сжимала толстую палку, на конце которой торчало несколько кривых ржавых гвоздей. Палка напоминала когтистую лапу свирепого крупного животного, ведущего отнюдь не вегетарианский образ жизни. В таком виде и с этим своим «оружием» выглядела девчушка весьма забавно, чтобы не сказать – комически, но Стасу сейчас было не до смеха. Сознание постепенно возвращалось к нему, но вместе с ним возвращались жуткая боль и чувство полного бессилия.

– Ты живой? – настойчиво повторила девочка.

– Пока живой... – выдавил из себя Стас. – Но это временно...

Подавив стон, он попытался поднять руку и морщась от боли, слегка шевельнул ею. Вроде рука двигалась, значит, кость не задета. «Что ж, первая хорошая новость за сегодняшний день», – пронеслось у него в голове.

Девочка тем временем не сводила с него больших светлых глаз, в которых испуг сменялся отчаянной решимостью.

– Тогда убирайся отсюда! Это мой дом! – она шагнула к нему и замахнулась палкой. Решимость явно победила страх, и девочка отважилась на активные действия. Похоже, она была настроена защищать свое убежище всеми имеющимися у нее силами.

– Уходи! – палка-лапа со свистом пронеслась возле его головы, перед глазами пролетели ржавые гвозди. – А то сейчас как дам!

«И ведь даст... – снова мелькнуло в голове у Стаса. – Для нее, беспризорницы, родившейся и выросшей на помойке, это в порядке вещей... А я сейчас даже постоять за себя не в силах...» Ситуация показалась ему столь нелепой, что Стас, несмотря на всю ее безысходность, чуть не рассмеялся: подумать только, маленькая бомжиха, пигалица от горшка два вершка, собирается побить палкой с гвоздями его, здорового мужика! Его, миллионера, владельца одной из самых известных московских строительных компаний, нищая девчонка гонит его, как какого-то жалкого бродягу...

– Тихо, тихо! – Стас предостерегающе поднял здоровую руку. – Уймись. Не бойся меня. Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто еще немного побуду здесь...

– Нет! – девочка снова взмахнула своим оружием. – Уходи! Нечего тебе тут делать!

Стас невольно вздохнул, и колыхание грудной клетки тотчас отозвалось усилением боли в левом плече.

– Ну, хорошо, хорошо... – примирительно сказал он. – Я уйду, если ты так настаиваешь... Сейчас уйду.

В этот раз вставать было еще тяжелее, чем в прошлый. Опираясь на здоровую руку, Стас кое-как приподнялся, но тут же с громким стоном опять свалился на грязный пол.

Внимательно наблюдая за ним, девочка опустила палку и сперва чуть отступила назад, а потом вдруг подошла ближе, заглянула ему за спину и принялась что-то там рассматривать.

– Это кровь! – испуганно воскликнула она. – Так много!.. Ты что – упал, разбился? Или подрался?

– Я ранен, – неохотно признался Стас.

- Ранен? - Девочка еще больше заволновалась.

- Да... Надеюсь, несильно, - Стас пытался говорить бодрым голосом, но это получалось у него весьма неважно.

- Так надо милицию вызвать! - тут же выдала девочка.

Будь на месте Стаса другой человек, менее погруженный в свои проблемы, он, возможно, удивился бы этой фразе, столь неуместной в устах маленькой бомжихи. Так, наверное, мог бы сказать благополучный ребенок, воспитанный в семье законопослушных граждан и с детства приученный к мысли, что добрые дяди милиционеры бдительно охраняют его покой и безопасность - но никак не беспризорница, для которой стражи порядка обычно представляют реальную угрозу. Однако Станиславу в тот момент было совершенно не до подобных тонкостей. И потому он торопливо проговорил:

- Нет-нет! Ни в коем случае!.. Никакой полиции...

- Тогда тебе нужно к врачу, - предложила маленькая собеседница. Но Стас отверг и эту идею.

- Я не могу, - он помотал головой. - Меня ищут... Мне надо спрятаться...

И замолчал на полуслове. В самом деле, не рассказывать же этой пигалице об ОМОНе и киллере... В том, что человек, стрелявший в него на Тверской, был профессиональным убийцей, которому его, Стаса, специально заказали, он уже не сомневался.

Некоторое время девочка молча смотрела на него. И если бы в этот момент рядом нашелся какой-нибудь досужий наблюдатель, которому пришла бы охота приглядеться к выражению лица маленькой бездомной, то он сразу понял бы, что в ней борются два мотива - стремление помочь попавшему в беду человеку и нежелание ввязываться в непонятную ей и, возможно, опасную историю. Уж старый вяз, например, точно бы это понял. Но ему не было видно, что происходит внутри дома.

Стас тем временем все-таки сумел подняться на ноги. Вертикальное положение далось ему с трудом, его шатало, и стоять удавалось лишь благодаря остаткам дверного косяка, в который он вцепился здоровой рукой.

- Мне надо идти... - проговорил Стас. И остался на месте.

- А есть куда? - хмуро поинтересовалась девочка.

- Что?..

- Я спрашиваю, тебе есть куда пойти? Где спрятаться?

- Не знаю, - честно отвечал он. - Наверное, нет...

Она еще немного помолчала, затем, приняв решение, тряхнула головой, увенчанной серией безобразных шапочек.

- Ладно. Идем со мной.

- Куда? - не понял он.

- В дом, разумеется. Там тебя вряд ли найдут...

На тот момент Стасу было уже почти все равно, куда идти. Ему хотелось только одного - упасть куда-нибудь и лежать без движения в каком-нибудь темном углу, где никто бы его не трогал. И потому он послушно поплелся вслед за девочкой, даже не особенно задумываясь над тем, куда, собственно, и зачем идет. Хуже все равно уже не будет... Вернее, поплелся - это слишком громко сказано. Начал он с того, что буквально пополз вдоль стены, держась за нее и еле передвигая ноги. Но далеко продвинуться подобным образом было нельзя, и настал момент, потребовавший от Стаса немало мужества и невероятных усилий - нужно было от этой стены оторваться. Как ни странно, но после первых шагов без опоры, давших с огромным трудом, передвигаться стало уже чуть легче. Потихоньку шагая вперед, Стас даже ни разу не упал, хотя постоянно был на грани этого, голова кружилась столь сильно, точно он не менее часа провел на каком-нибудь вертящемся аттракционе в Диснейленде.

От входа они сразу попали в черневший углами вестибюль. Глаза смутно различали обломки мебели, горы мусора, куски обвалившейся лепнины и широкую мраморную лестницу в глубине холла. Стас почему-то решил, что сейчас придется идти по лестнице наверх, но его провожатая не стала подниматься, а ушла вбок, в темный, заставленный всяким барахлом коридор, потом повернула в другой, еще более тесный и захламленный, затем пересекла большую и узкую, как пенал, комнату.

Девчонка так бойко и уверенно двигалась по развалинам похожего на лабиринт особняка, что сразу становилось понятно – она чувствует себя тут хозяйкой. «Маленькая хозяйка большого дома». Эта фраза почему-то всплыла в памяти, и Стас никак не мог вспомнить, откуда она. Кажется, из Джека Лондона... Ну да, конечно же. «The Little Lady of the Big House». Он читал этот роман и по-русски, и по-английски.

– Сюда! – командовала его провожатая. – Не споткнись, тут какая-то штука из пола торчит... Теперь налево. Осторожно, там дыра в полу...

С трудом держась на ногах, Стас пытался не отставать от нее, а про себя решил, что вряд ли сумеет выбраться отсюда без посторонней помощи. Они повернули еще раз, и еще, потом девочка открыла каким-то чудом сохранившуюся здесь дверь, и Стас почувствовал, как в лицо ему дохнуло тепло. Конечно, теплом это дуновение можно было назвать только с большой натяжкой. Но все же, по сравнению с промозглой сыростью улицы, это все-таки было тепло.

Стас прислонился к стене и осмотрелся, насколько это позволяла царящая здесь темнота, лишь слегка рассеиваемая удаленным светом улицы – фонарей и окон домов в переулке. Комната была небольшой, в два окна. Стекло в одном из них почти полностью цело, другое оказалось забито фанерой, а из щелей торчало какое-то тряпье. Для того чтобы прогреть помещение, таких предосторожностей, конечно, явно было недостаточно, но, по крайней мере, они защищали комнату от ветра и сквозняка – а это уже немаловажно.

– Это мой дом, – с какой-то даже гордостью в голосе заявила девочка.

– И сколько вас тут живет? – вяло поинтересовался Стас.

– Кого это «вас»? – тут же с вызовом переспросила она.

Слово «бомжей» уже готово было сорваться с его языка, но Станислав в последний момент сдержался.

– Ну, я ж не знаю, с кем ты живешь... – замялся он.

– А ни с кем, – прозвучал неожиданный ответ. – Я одна.

Заявлено это было не без гордости.

– То есть как это? – Он так удивился, что даже забыл на миг о горящем адским огнем плече, слабости и головокружении. – Я думал, что все... ну... те, у кого нет дома... живут группами. Так же легче...

– А мне вот легче одной, – очень по-взрослому отрезала девочка.

Поняв, что тема эта ей неприятна, Стас замолчал, прислонился спиной к стене и принялся рассматривать помещение, в котором оказался волею судеб. Батарей под окнами не было, обломки труб отопления сиротливо торчали из стены, точно культя инвалида. Зато в комнате имелся камин, небольшой, порядком ободранный, но, похоже, исправный. Не сходя с места, Стас глянул в его зияющую пасть и увидел стоящий на кирпичках старый, дочерна закопченный чайник.

– Чуть попозже можно будет зажечь камин, – сообщила девочка, заметив его взгляд. – И воды вскипятить. Но так рано нельзя, а то Толян заметит дым, и тогда мне не поздоровится. Лучше немного потерпеть. Сейчас я зажгу свечку.

– Ты что, разжигашь камин? – удивился Стас.

– А как я, по-твоему, греюсь? Одними этими шапками, что ли? – усмехнулась девочка. – И воду надо как-то кипятить.

– А это не опасно? Камин ведь старый? Наверное, неисправный... Можно ведь и угореть или устроить пожар, – продолжал сомневаться он.

– Да пока вроде все обходилось, – отвечала его собеседница. – Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить, – она постучала костяшками пальцев по стоявшему у стены древнему столу. Такие столы Стас видел только в советских фильмах середины прошлого века, они были неотъемлемой деталью интерьера каждой конторы во времена, когда еще никому не приходило в голову употреблять слово «офис» по отношению к отечественной действительности. – Камин все-таки греет, только коптит слегка.

– А кто такой Толян? – спросил Стас, с удовлетворением констатируя, что понемногу начинает согреваться. Во всяком случае, чувства озноба, которое навалилось на него на улице, уже не было. Только вот раненое плечо не давало ни на секунду забыть о себе.

– Местный дворник, – ответила девочка с такой неприязнью, что у нее даже голосок зазвенел от ненависти. – Мерзейший тип.

Порывшись под столом, она извлекла огарок церковной свечи и зажгла ее, ловко укрепив на крышке стоявшего тут же поблизости небольшого допотопного сейфа. Судя по многочисленным следам расплавленного воска на его поверхности, играть роль канделябра сейфу было явно не впервой. Нельзя сказать, чтобы от одной маленькой свечечки в комнате стало намного светлее, но все же глаза уже начали привыкать к темноте, и Стас сумел получше рассмотреть помещение, в котором находился. Кроме стола и сейфа здесь имелось и еще кое-что, что могло претендовать на гордое звание мебели – колченогий стул с остатками разодранной в клочья матерчатой обивки и матрас на деревянном каркасе, служивший, очевидно, в лучшие свои времена основанием дивана. Впрочем, судя по всему, он и теперь употреблялся по тому же назначению, так как сверху него было постелено ватное одеяло, все в прорехах и пятнах, а с одного края лежал тугий тряпичный узелок, который, как догадался Стас, хозяйка дома использовала как подушку.

– Садись, – радушно пригласила девочка.

Стас с опаской поглядел на стул, потом на «кровать», наконец решился опуститься на край матраса и, привалившись к стене, вытянул ноги и закрыл глаза. После долгого утомительного перехода по коридорам это могло бы показаться блаженством – если б не боль в плече. Неловко повернувшись, он застонал так громко, что девочка даже вздрогнула.

– Давай я осмотрю твою рану, – предложила она после небольшой паузы.

– Зачем? – усмехнулся Стас. – Не думаю, что ты разбираешься в медицине...

– Ты думаешь, что будет гораздо лучше умереть здесь от потери или заражения крови? – тут же парировала девочка. – Я, конечно, не врач, но перевязать рану сумею.

От этих простых слов Стасу вдруг стало неловко. И правда, зачем он, как это сейчас называется, наехал на девчонку? Да, она бомжиха, она грязная и оборванная, и вид ее вызывает чувство брезгливости... Но она подобрала его, можно сказать, на улице, раненого, истекающего кровью, привела в более или менее теплое место, готова дать приют и оказать помощь... А он позволяет себе язвить в ее адрес.

– Знаешь, я буду тебе очень признателен, если ты это сделаешь, – проговорил Стас, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно более миролюбиво.

Он размотал шарф, снял сильно пропитавшиеся кровью пальто и пиджак. Раздевался Стас со всеми возможными предосторожностями, но все равно каждое движение еще больше усиливало и без того резкую боль, так что вскоре, увидев его мучения, девочка принялась помогать ему. В четыре руки (или, точнее, в три с половиной, потому что левая рука Стаса шевелилась еле-еле) стало не в пример легче. Но когда дело дошло до рубашки, раненый и его добровольная помощница столкнулись с неразрешимой проблемой. Тонкая хлопковая ткань из белоснежной стала бурой и так сильно прилипла к плечу, что оторвать ее не представлялось возможным. После нескольких попыток, причинивших Стасу невыносимые страдания, девочка отказалась от этой затеи и, снова порывшись под столом, извлекла на свет божий небольшой кухонный нож, у которого отсутствовала одна из пластиковых накладок на рукоятке, и принялась кромсать им ткань вокруг раны. Нож никак нельзя было назвать острым, резать пришлось долго, но наконец старания «сестры милосердия» увенчались успехом. Бережно собрав из стоявшего в камине чайника остатки воды, девочка промыла рану.

– Посмотри, не осталась ли там пуля, – морщась, попросил Стас. – Если осталась, ее обязательно нужно вытащить...

- Пуля? – снова перепугалась девочка. – В тебя стреляли?

- Нет, блин, я сам ее себе туда засунул! – он сорвался было на крик, но заставил себя сдержаться невероятным усилием воли.

- Я ничего такого не вижу...

- Ладно, давай я сам...

Толком рассмотреть что-то при таком освещении было и впрямь невозможно, и он, чуть не воя от боли, заставил себя ощупать рану здоровой рукой. К счастью, пуля и вправду не обнаружилась. Стас был не слишком силен в медицине, но все же осмелился предположить, что его рана не слишком опасна. Кость, похоже, не задета. Очевидно, пуля прошла по краю, повредив лишь кожу и мышцу, а раз так, значит, еще можно жить. После этого открытия Стасу даже стало полегче, и они приступили к перевязке.

Тем же самым ножом девочка при содействии Стаса, который помогал ей здоровой рукой, отрезала полу его рубашки, которую решено было использовать вместо бинта. Опасения раненого оказались напрасны – девчонка довольно успешно справлялась с перевязкой.

- Кстати, если кому интересно, меня зовут Таня, – сообщила она, обматывая его плечо самодельным бинтом. – А тебя?

- Станислав Михайл... – начал было он, но тут же оборвал сам себя. – Стас. А тебе сколько лет, Таня?

- Летом исполнилось двенадцать.

- А где твои родители? – задал он вполне естественный для подобной ситуации вопрос.

- Умерли, – коротко отвечала девочка.

- Что, оба? И папа, и мама?

– Да, и бабушка тоже. Ну вот и все, – удовлетворенно заметила Таня, завязав узел на обрывке рубашки. – Давай помогу тебе одеться, а то замерзнешь.

Он принялся натягивать с ее помощью пиджак и пальто. Влезать в грязную и мокрую, перепачканную кровью и еще бог знает чем одежду было крайне неприятно, но из двух зол пришлось выбрать наименьшее. Лучше быть одетым хоть так, чем сидеть голышом в неотопливаемой комнате. Закончив мучительный процесс облачения, застегнув пуговицы, замотавшись в шарф и как можно глубже упрятав руки в карманы, совершенно обессиленный Стас прислонился спиной к стене и закрыл глаза. После перевязки боль в плече немного утихла, во всяком случае, ему очень хотелось в это верить.

– Ты как? – осторожно поинтересовалась Таня. Голос ее был полон сочувствия.

– Спасибо, благодаря тебе намного лучше, – отвечал он. – Вот только пить очень хочется.

Его давно уже мучила жажда, но не было случая сообщить об этом.

– Сейчас. Вот, возьми, – проговорила она после небольшой паузы.

Неохотно разлепив веки, Стас увидел, что девочка протягивает ему полулитровую пластиковую бутылку, заполненную примерно на треть каким-то фруктовым напитком ядовито-кислотного цвета.

– Может, дашь мне просто обычной воды? – поморщился Стас, который никогда в жизни не пил никакой сладкой газировки, включая пепси, колу и прочее. Не враг же он своему здоровью! – Хотя бы из-под крана?

– Извините, ваше величество, водопроводными кранами мой дворец не оборудован, – сердито отшутилась Таня. И тут же добавила, уже без ехидства в голосе:

– Вообще-то, вода – это самый большой дефицит. Еду еще можно найти, а вот питьевую воду только покупать приходится. Взять-то негде... В смысле, можно взять из трубы, тут неподалеку, но ее пить нельзя, она ржавая. Только если в камине вскипятить...

Скривившись, Стас сделал глоток приторно-сладкой газировки. Жажды это не утолило, наоборот, еще больше захотелось пить. Он глотнул еще и еще, но понял, что никогда не напьется этой бурдой, и отнял от губ бутылку.

Таня, очевидно, неправильно его поняла, потому что поспешила его заверить:

- Да ты пей, пей, не жалея. Я эту бутылку не покупала, я ее на улице нашла...

Не сдержавшись, Стас смачно выплюнул газировку прямо на пол и с трудом подавил рвотный рефлекс. Таня с сожалением поглядела на него:

- Надо же, какой ты брезгливый... Только зачем плевать-то было, продукт переводить? Не хочешь - оставил бы мне...

- Извини, - буркнул Стас, снова откидываясь назад и прислоняясь к стене. Ему снова стало хуже, голова закружилась, темная комната поплыла перед глазами. Уже плохо контролируя себя, Стас завалился на бок и снова впал в тревожное забытие, полное смутных пугающих видений. Несколько раз он словно бы выныривал из этого вязкого мутного омута и вновь проваливался в него, так и не успев осознать, что происходит. В какой-то из моментов частичного прояснения, очнувшись, но снова не полностью, Стас вдруг ощутил, что стало намного теплее, услышал тихое потрескивание и уловил запах гари, показавшийся ему самым приятным из всех ароматов на свете. Он поплотнее завернулся в свое пальто и вновь отключился. Кошмары больше не тревожили его, обморок превратился в крепкий сон - тяжелый, вязкий, но зато без всяких мучительных сновидений.

Глава четвертая

За восемь дней до Нового года

Как раз в тот момент, когда Стас забылся мутным сном в развалинах особняка, доживающего свой век в тихом переулке рядом с Тверской, по другому переулку, выходящему на ту же улицу, только чуть подальше от центра и гораздо более оживленному, катил новенький «Бентли». За ним следовал по

пятам (если такое выражение уместно для описания автомобиля, но не говорить же «по задним колесам»!) «Сабурбан» с охраной. Сбавив скорость, обе машины приблизились к кованой ограде, за которой виднелся в глубине двора недавно отреставрированный дом в стиле модерн. Ажурные ворота распахнулись, и автомобили въехали во двор, который даже в это затянувшееся слякотное межсезонье выглядел чистеньким и ухоженным – аккуратно подстриженные деревья, выложенные тротуарной плиткой сухие дорожки, скамейки с изящно изогнутыми спинками, оригинальной формы клумбы, заботливо укрытые на зиму. Имелся тут даже небольшой фонтан, который сейчас, конечно, не работал, но все равно очень украшал двор.

Когда «Бентли» остановился, из предупредительно открытой водителем двери вышла невысокая, стройная и по виду моложавая белокурая женщина, закутанная в соболиную шубку. Цокая острыми каблуками высоких серебристых сапог, она, сопровождаемая охраной, вошла в украшенный цветами и зеркалами подъезд, шагнула в лифт, где имелась даже бархатная скамеечка, и сама нажала третью кнопку маленькой рукой, затянутой в длинную перчатку под цвет сапог. Войдя в квартиру, занимавшую весь этаж, женщина небрежным движением руки отпустила секьюрити, кинула, не глядя, на столик серебристую сумочку-клатч, сбросила шубу и встала перед зеркалом. Теперь, в ярко освещенном холле, если бы какой-нибудь досужий наблюдатель вроде старого вяза во дворе полуразрушенного особняка заглянул ей через плечо, он сразу понял бы, что эта женщина совсем не так молода, как хочет казаться. Морщины в уголках глаз, дряблая кожа на шее, пятнышки на лице, предательски выглянувшие из-под стершегося за день слоя косметики – все это выдавало далеко, увы, не юный возраст. Но, к счастью для женщины, вяз находился далеко, и подглядывать за ней сейчас было некому.

Женщина, ее звали Раисой Ивановной Ветровой, опустилась на меховой пуфик, стянула с уставших ног сапожки, отшвырнула их и, как была, в одних колготках, прошла по теплому дубовому паркету через роскошно, но со вкусом обставленные комнаты в самую дальнюю – спальню. Упала без сил на огромную скругленную кровать с кисейным пологом, положила ноги на подушку и подняла взгляд к высокому, больше трех метров, потолку, расписанному цветами и амурами, как в дворянской усадьбе восемнадцатого столетия. Сам вид этой комнаты в бежевых и коричневых тонах, с обстановкой, почти полностью стилизованной под старину, с аутентичным трехстворчатым зеркалом, с туалетными столиками на гнутых ножках, с тяжелыми портьерами, бывшими точной копией так понравившихся ей штор в Версальском дворце (не только рисунок, но даже материал точно такой же), уже действовал на нее

успокаивающе. Раиса удовлетворенно вздохнула и закрыла глаза. Как же все-таки хорошо быть состоятельной женщиной! Можно обладать всем, что понравится. Неважно, что это – вещи или люди...

Разумеется, подобная возможность досталась ей не легко и не сразу. Прежде чем Раиса научилась добиваться своего, причем кратчайшим путем, ей пришлось пережить множество разочарований и расстаться со многими иллюзиями. И раньше всего с той, что в этом мире все ждут ее с распростертыми объятиями и готовы швырнуть к ее ногам все, что она пожелает. С годами она поняла, что за все, что хочешь иметь, нужно побороться. И всю жизнь только этим и занималась, потому что знала – она, Раиса, достойна самого лучшего.

Эта уверенность в своей избранности, особенности, уникальности осталась у нее с детства. Она была единственным ребенком у родителей, и те души не чаяли в своей умненькой и красивой дочурке. Как и вся их многочисленная родня. Рая появилась на свет спустя всего четыре года после войны, на которой Федотовы, как практически все семьи Советского Союза, потеряли многих своих близких. Оставшиеся без мужей и детей тетушки, бабушки, двоюродные и троюродные сестры перенесли всю свою любовь на девочку и баловали ее, как могли.

Городок, где она родилась и провела детство, был маленьким и тихим. И, как потом поняла подросток Раечка Федотова, донельзя провинциальным и захолустным. Это поначалу ей нравились его зеленые улицы, высокий берег над Окой, с которого открывались убегающие к горизонту просторы, к которому доносились гудки парходиков, пение птиц и ароматы цветов на лугу, начинающемся сразу за городской окраиной. Девочке нравилась школа, бывшая гимназия, находившаяся в старинном здании с небольшими окошками и толстыми надежными стенами, нравилась мощенная булыжником центральная площадь, уютная, точно мягкое кресло, нравились разбегавшиеся от нее вверх по склонам узкие улочки и дома за высокими заборами с массивными воротами, с каменным первым этажом и деревянным вторым. Город казался ей особняком со множеством комнат, чуланов, террас и балконов. Или шкатулкой с секретом. Или старинным шкафчиком со множеством всяких ящичков и отделений, вроде того, что стоял в областном краеведческом музее. А потом этот «особняк» как-то съезжился, потускнел, стал невыносимо скучным и убогим.

Но это произошло потом, а в детстве ей было здесь легко и хорошо. Отец Раи был секретарем горкома партии, и потому Раечке легко доставалось то, о чем большинство ее сверстниц в голодные послевоенные годы не могли и мечтать. В

то время только-только были отменены продовольственные карточки, люди ютились в бараках без всяких удобств, дети донашивали одежду с чужого плеча, кое-как перешитую и перелицованную – а Рая жила с родителями в отдельной квартире с отоплением и водопроводом, каталась на папиной персональной машине с водителем, ела конфеты, колбасу и крабы и щеголяла в модных платьицах. У нее было много игрушек, притом настоящих, а не самодельных, лаковые туфельки и отдельная комната, где стояло сверкающее пианино. Каждое лето она ездила отдыхать на море в пионерский лагерь «Артек», и минимум два раза в год папа брал ее в командировку в Москву, где они ходили в цирк, на концерты, в кафе-мороженое и в красивые магазины ГУМ, ЦУМ и «Детский мир». Москва Рае всегда нравилась, и когда девочка повзрослела настолько, что пришла пора задуматься о будущем, у нее и вариантов не было – конечно, она поедет учиться в столицу. Вся семья горячо поддержала ее. Разумеется, в Москву, не в областной же пединститут поступать такой умненькой красавице! Рая и впрямь училась на одни пятерки и школу окончила с золотой медалью, но то, что причиной таких успехов были отнюдь не ее собственные заслуги, а желание педагогов угодить ее папе, она поняла уже значительно позже. А пока на семейном совете был выбран вуз – Финансово-экономический институт. Профессия экономиста по тем временам считалась весьма почетной и престижной. С крышей над головой проблем не было – две престарелые Раины тетушки жили в Москве, в самом центре, у Никитских ворот, в большой трехкомнатной квартире, и были только счастливы приютить у себя милую племянницу.

В столицу Раечка ехала полная самых радужных надежд. Она не сомневалась, что станет лучшей студенткой на курсе, а может быть, и во всем вузе, и преподаватели устанут хвалить ее. Но это, конечно, было не самое главное. Больше всего мечтала Рая о том, как ее сразу же после приезда окружит толпа поклонников, среди которых будут известные артисты и герои-летчики, и, может быть, даже сыновья министров. Что все они потеряют голову от ее красоты, будут красиво ухаживать за ней, осыпать цветами и подарками и наперебой умолять ее счастливить их, отдав руку и сердце. К моменту окончания школы в родном городе она наблюдала уже нечто похожее, на нее действительно обращали внимание несколько молодых людей, которые были совсем не прочь породниться с Федотовыми, одной из самых высокопоставленных семей района, но Рая даже не глядела в сторону местных поклонников. Она всегда была уверена, что заслуживает совершенно иной, куда более лучшей жизни.

Однако судьба распорядилась иначе. То есть с поступлением проблем не возникло, папины хорошие знакомые помогли, Раю зачислили на первый курс, и

тетушки приняли ее к себе с распростертыми объятиями. Но на этом везение закончилось.

Во-первых, оказалось, что учиться в институте – это совсем не то, что без особых усилий получать пятерки в школе. Здесь требовалось ежедневно сидеть над учебниками лишь для того, чтоб хотя бы понимать, о чем говорит на лекции преподаватель. Впрочем, Рая действительно была умной, способной, а главное – целеустремленной девочкой, и это помогало ей справиться с «гранитом науки». Она умела и быстро схватить суть того или иного предмета, и удержать в голове, благодаря прекрасной памяти, большой объем информации. И потому училась хорошо, пусть и не была круглой отличницей, но до отметок «удовлетворительно» тоже никогда не скатывалась.

Так что с учебой все более или менее складывалось, а вот со всем остальным оказалось гораздо сложнее. К своему удивлению и разочарованию, Рая быстро поняла, что в Москве никто не замечает ее исключительности и избранности. Мало того, она обнаружила, что умненьких, хорошеньких и модно одетых девочек здесь пруд пруди, что она всего лишь одна из многих и никто не спешит бросать к ее ногам свои сердца и обещать ей все блага мира.

С этим трудно было смириться, да она и не хотела так легко сдаваться, становиться одной из многих и сливаться с серой толпой. Рая из кожи вон лезла, чтобы быть лучшей и в учебе, и в институтской команде КВН, и на вузовских вечерах. Но в глубине души она чувствовала, что это все не то. Да, она хорошо училась, была яркой привлекательной девушкой, парни обращали на нее внимание. Но все то же самое было как минимум у половины студенток ее института. А Рае хотелось, чтобы ее жизнь складывалась как-то особенно, чтобы в ней имелось то, чего нет и никогда не будет у других.

Именно потому на втором курсе Рая и влюбилась в Ника – самого популярного, яркого и модного парня в институте. Вообще-то его звали Колей Семеренко, но об этом помнили только преподаватели, студенты же именовали его исключительно на английский манер, так, как он сам себя называл. Будучи сыном сотрудника Внешторга, Ник очень модно одевался, носил брюки-дудочки, нейлоновую сорочку с маленьким воротником, тонкий черный галстук, ботинки с узкими носами и куртку из искусственной кожи на молнии. Он прекрасно танцевал твист и шейк, отлично разбирался в современном искусстве и обладал огромной коллекцией пластинок и магнитофонных записей. И если добавить к этому, что Ник был высоким красивым и спортивным блондином с веселыми

карими глазами и почти круглый год загорелым лицом, то нетрудно будет понять, какой популярностью он пользовался у девушек.

Рая приложила все усилия, чтобы завоевать Ника. Она следила за модой, старалась лучше всех одеваться, покупала у спекулянтов вещи и косметику, брала уроки танцев – деньги на все это, естественно, присылали родители. Учеба отошла на второй план, поскольку главной задачей Раи теперь стало оказаться на той вечеринке, где может быть Ник. И через какое-то время она добилась своего. Ник обратил на нее внимание, завязался роман, который продолжался больше года. На курсе уже никто не сомневался, что отношения у них более чем серьезные и дело, несомненно, закончится свадьбой. Идя по коридорам института, Рая то и дело слышала, как шепчутся за ее спиной в бессильной злобе завистницы-неудачницы – вот ведь, сама приезжая, а ради столичной прописки подцепила москвича, да какого! Ее эти пересуды нисколько не расстраивали, даже наоборот, доставляли ей удовольствие. Наконец-то она получила по заслугам и приобрела то, чего нет у других, но что всем хотелось бы иметь...

Все рухнуло за какой-то месяц, когда Ник вдруг переключил свое внимание на ничем не примечательную девчонку со смешной фамилией Бублик. С точки зрения Раи, эта Наташка вообще ничего собой не представляла. Маленькая, меньше ее, Раисы, ростом и при этом еще и толстая, под стать фамилии – аж сорок восьмой размер, глаза круглые, волосы вьются какими-то глупыми кудряшками... Фу, смотреть не на что! Но Ник, как оказалось, считал иначе. Он перестал приглашать Раю на свидания, избегал встречи с ней, а когда она звонила ему, просил домашних сказать, что его нет дома. А потом сам вдруг позвонил и сообщил, что у них с Наташей все очень серьезно и, вероятно, они скоро поженятся.

Это сообщение буквально убило Раису. Парень, в которого она была влюблена и на будущее с которым уже строила планы, бросил ее, просто выкинул из своей жизни, как опустевшую сигаретную пачку. А ведь Ник стал ее первым мужчиной, у них, как это называли Раины подружки, уже все было. Но больше всего она оскорбилась тем, что ее, признанную красавицу, обаятельную и эрудированную девушку, не просто бросили, а променяли на какое-то ничтожество. Была бы на месте Наташки московская фифа из приличной семьи, Ника еще можно было бы понять. А тут «толстый бублик» без роду без племени откуда-то из Поволжья.

Никто не видел Раиных слез, кроме подушки. Со временем слезы кончились, но в сердце осталась, как говорится, незаживающая рана. От предательского и, как считала Рая, несправедливого удара она долго не могла оправиться. В мыслях она перебирала все возможные варианты мести, включая даже убийство соперницы и/или коварного изменника. Но потом решила, что не опустится до такого. Нет, она отомстит по-другому, более изящно, более изощренно. Она достигнет самых высот и покажет Нику, как много он потерял. И он пожалеет – но будет уже поздно. В мечтах Рая с наслаждением рисовала картину того, как она – богатая, успешная, процветающая женщина, достигшая всего, когда-нибудь встретит Ника, сломленного неудачника, брошенного женой, возможно даже, спивающегося. Он, разумеется, сначала ее не узнает, а потом... Что будет потом, она никак не могла себе представить. Простит ли она его? Или, наоборот, презрительно рассмеется? Но сам этот момент их встречи, расстановка фигур на черно-белом жизненном поле, ей чрезвычайно нравились. Было в них что-то упоительно сладкое и справедливое.

А пока надо было жить и любой ценой добиваться своей цели, выбивать у жизни то, чего она, Рая, достойна. И после обмана со стороны Ника чувство собственной избранности у Раисы никуда не исчезло. Просто она отчетливо поняла, что без приложения собственных усилий ничего не получит.

Поразмыслив, Рая решила, что неплохо было бы выйти замуж. Не за первого встречного, конечно, а как можно более удачно. И метод для устройства своей судьбы она выбрала самый что ни на есть классический – старое доброе сватовство. На поиски подходящего жениха для Раечки московские тетушки мобилизовали всех своих многочисленных подруг и знакомых. Вскоре было подобрано несколько подходящих кандидатур. Внимательно рассмотрев и оценив каждую из них, Рая предпочла всем поклонникам бездетного вдовца Павла Петровича Ветрова. Жениху минуло уже пятьдесят восемь, то есть он был на тридцать с лишком лет старше своей невесты, но ту это нисколько не смущало, потому что Павел Петрович занимал солидный пост не где-нибудь, а в Министерстве финансов.

Свадьбу сыграли роскошную, в ресторане «Седьмое небо», располагавшемся на недавно построенной Останкинской телевизионной башне. Поселились молодые в пятикомнатной квартире на Мясницкой улице, прямо напротив знаменитого на всю столицу чайного магазина. Теперь Раиса, в отличие от всей остальной серой массы иногородних студентов, да и москвичей тоже, могла не беспокоиться больше о распределении. Ей не грозило ни быть засланной в какую-нибудь

глушь, ни даже возвращение в родной город. К тому моменту, когда Рая получила диплом, ее уже дожидалось тепленькое местечко заместителя директора в одном из столичных филиалов Сбербанка, называвшегося тогда сберкассой.

Счастлива в семейной жизни Раиса, конечно, не была. Да и какое может быть счастье для молодой красивой женщины, вынужденной каждую ночь ложиться в постель с толстым, обрюзгшим и вечно всем недовольным мужчиной? За годы супружества ее равнодушие к мужу сменилось отвращением, но у Раи хватало ума не выказывать этого Павлу, а, наоборот, убеждать его в своей любви, а самое главное – всячески поддерживать и культивировать в нем любовь к ней. Благодаря его вниманию и заботе Раиса жила намного лучше значительной части соотечественников, ездила на собственных «Жигулях», питалась дефицитными продуктами, следила за собой и за модой и очень гордилась тем, что «на ней нет ни одной отечественной нитки». Ради этого можно было смириться со многим, даже с опостылевшим супругом. С Павлом Петровичем она прожила целых девятнадцать лет и, когда его наконец не стало, вздохнула с огромным облегчением. К тому же, прежде чем покинуть этот мир, супруг сделал ей последний, самый главный в жизни подарок – помог организовать собственный банк. Как раз началась перестройка, страна взяла курс на капиталистическое развитие, и Рая, которой всегда нравилось держать нос по ветру и отслеживать все новое во всех областях, будь то работа, фасон платьев, кино или способ нанесения макияжа, загорелась идеей открыть свое детище, которое, как ей мечталось, в дальнейшем составит конкуренцию самому Сбербанку.

Конечно, осуществить подобную идею на деле было не так-то просто, но Раиса Ветрова привыкла добиваться своих целей. Уверенно, шаг за шагом, она двигалась все вперед и вперед. И победила. Банк «Модус» (ей всегда нравилось это латинское слово) вошел в первую двадцатку банков, появившихся в новой России, но, в отличие от большинства своих собратьев, не прекратил через некоторое время своего существования по тем или иным причинам, а продолжал жить, здравствовать и развиваться на протяжении многих лет. Раиса не сомневалась, что это целиком и полностью ее заслуга. За годы работы в Сбербанке она стала не просто хорошим специалистом, а настоящим крутым профессионалом. Однако даже больше чем опыт и знания, ей помогали природная рассудительность и развитое чутье. Оказавшись перед ситуацией выбора, Раиса чисто интуитивно чувствовала, как надо поступить, а как не стоит. Вот, например, насколько был велик соблазн в начале девяностых поучаствовать в финансовых пирамидах, сделать легкие и быстрые деньги да

прикрыть лавочку? Многие так и поступили, торопясь поскорее хапнуть свой кусок. А она осталась в стороне от этой вакханалии, так как понимала, что гонится не за сомнительной наживой, а за долгим и стабильным благополучием. Обеспечить которое может только безупречная репутация, которую и сохранял на протяжении долгих лет ее «Модус». Или взять кредитную политику, ту самую, которая привела не так давно весь мир к масштабному экономическому кризису. В этой области Рая тоже всегда была весьма осторожна. Разумеется, «Модус» выдавал кредиты, как же без этого. Но отнюдь не первому попавшемуся типу, которому достаточно было помахать паспортом перед носом девочки-операционистки, а солидным и вызывающим доверие клиентам. Таким, например, как «Объединенная Строительная Компания», бравшая у нее крупные кредиты под залог части акций. С владельцем «ОСК» Мишей Шаповаловым Рая была знакома еще со студенческих лет, они вроде даже нравились друг другу, но дальше флирта дело не пошло. Он женился, она вышла замуж, и их пути на время как-то разошлись – чтобы через двадцать лет пересечься вновь. Случайная встреча в театре привела к долгому, плодотворному и взаимовыгодному сотрудничеству. Думая об этом, Рая не переставала удивляться, насколько же прихотливо играет иногда судьба...

Личная жизнь Раисы была не менее насыщенной, чем профессиональная. Рая всегда любила мужчин, любила хороший секс, любила нравиться, вызывать восхищение, становиться объектом красивого ухаживания. Уже через несколько месяцев после свадьбы она начала заводить романы, разумеется, со всеми предосторожностями, чтобы супруг ни о чем не догадался. А когда наконец-то стала вдовой, то тут уже дала себе полную волю.

Вот только влюбляться Раиса себе больше не позволяла – после истории с Ником и другой, очень похожей на нее истории, которая случилась на третьем году замужества. Рая отдыхала в тот год в Прибалтике, в Друскининкае, где как раз в то время снимался исторический, так называемый костюмный фильм с участием известных актеров. С одним из них, который ей всегда очень нравился, Раисе удалось познакомиться в ресторане. Первое время она не позволяла себе ни на что надеяться, будучи уверенной, что их интрижка прекратится, как только они разъедутся. Но, к ее удивлению, актер позвонил ей и в Москве, и они снова стали встречаться. Тут-то Рая и расслабилась, позволила себе увлечься не на шутку. И зря, потому что через полгода он все равно бросил ее. Просто исчез, ничего не объяснив, без всяких прощаний и выяснений отношений, перестал звонить – и все. Вот с тех пор Раиса и решила поставить крест на чувствах. В конце концов, для того чтобы иметь регулярный и качественный секс, вовсе не обязательно влюбляться. Даже наоборот, лучше не испытывать никаких сердечных волнений,

так даже удобнее обоим.

Время шло, любовники менялись, но заводить их с каждым годом становилось все труднее. Как-то очень быстро, почти незаметно для самой себя Раиса перескочила границу между молодостью, когда мужчины готовы завоевывать внимание женщины и платить за ее благосклонность, и тем возрастом, когда расплачиваться за интерес к своей персоне приходится уже самой женщине. Первый раз Рая столкнулась с этим лет десять назад, когда отдыхала во Флориде, в Уэст-Палм-Бич. Увидев в ресторане загорелого мачо, чья одежда больше демонстрировала, чем скрывала великолепное мускулистое тело, Раиса привычно начала строить ему глазки – на что мачо тотчас откликнулся, подсел за ее столик и, нисколько не стесняясь, сразу же назвал цену, которую берет за ночь. Рая чуть в обморок не упала, так была оскорблена. Ей тогда было всего-то пятьдесят три года, она великолепно выглядела, не вылезала из салонов красоты, была стройна и изящна, одевалась по молодежной моде, и со спины ее даже иногда принимали за девочку. А тут, глянув в лицо, предложили заплатить за секс!

Однако сколько ни возмущайся, а смириться с неприятной действительностью все-таки пришлось. Тем более что чем старше становилась Раиса, тем моложе были мужчины, которые ей нравились. Для своих ровесников она могла еще представлять какой-то интерес – «по старой памяти», как шутил Миша Шаповалов, ныне уже покойный. А вот для тридцатилетних и тем более двадцатипятилетних красавчиков – увы. Это прагматичное, жадное до жизненных благ, но крайне ленивое поколение привлекали в Раисе только ее деньги и статус. Конечно, признавать это было чертовски обидно, но альтернатив никто не предлагал. А как говорится, не можешь изменить ситуацию – измени свое отношение к ней. Рая научилась проще смотреть на вещи и зажила себе припеваючи... До тех пор, пока не встретила Ильдара.

Этот темноволосый юноша с капризным чувственным ртом, невероятно яркими синими глазами, нежной, как у девушки, кожей и великолепным гибким телом, один вид которого сводил Раю с ума, стал ее последней и самой сильной любовью. А может быть, и первой. Может быть, все, что случилось в ее жизни до него, было лишь пустяком, репетицией перед единственным в жизни настоящим чувством, которое хоть и поздно, но все-таки пришло к ней. Во всяком случае, именно так думала Раиса, лежа на широкой мягкой кровати в своей роскошной спальне, отдыхая после тяжелого дня и поджидая Ильдара. Раньше она всегда волновалась по вечерам, ей казалось, что вот-вот настанет тот день, когда ее

возлюбленный больше не придет. Так было с Ником, так было с тем артистом... Неужели так случится и с Ильдаром? Нет, она просто не переживет этого!

Но сегодня Раиса была абсолютно спокойна. Она знала, более того, была уверена – после того, что она сделала для своего любовника, он теперь никуда от нее не денется. Уж об этом-то она позаботится.

Рая победно улыбнулась и потянулась за мобильным телефоном.

Глава пятая

За семь дней до Нового года

Те несколько мгновений, которые отделяли сон от пробуждения, показались Стасу истинным блаженством, поскольку сознание его уже проснулось, а боль – еще нет. Но, увы, этот период оказался слишком кратким, а дальше плечо вновь напомнило о себе. Неловко повернувшись, Стас дернулся, застонал и открыл глаза.

Оказалось, что уже давно рассвело. Сквозь грязные стекла единственного уцелевшего в комнате окна глядело безрадостное зимнее утро – типичное хмурое утро загазованного и перенаселенного мегаполиса. О, если бы Стас мог поговорить с тем особняком, в который волею случая забросила его судьба! Вот кто порассказал бы ему о том, какие утра бывали раньше в Первопрестольной – свежие, ясные, румяные... Какое чистое было небо, какое яркое солнце, какие дивные зори вставали над Москвой-рекой! На какие шедевры они вдохновляли великих поэтов, художников, композиторов! Нынче уж все не то... Теперь двести пятьдесят дней в году, независимо от сезона, по утрам над столицей только тусклая серая хмарь. Да и поэты с художниками, что греха таить, сильно пообмельчали... Но вступить в подобную беседу с домом Стасу, конечно, и в голову не могло прийти. Да, признаться, и не до того ему было.

В первую минуту он не мог осознать, где находится, почему лежит одетый, да еще в пальто и не в своей стильно оформленной спальне, на широкой итальянской кровати, а на каком-то подозрительном топчане в непонятной,

убогой и холодной комнате. Все тело мучительно затекло – и от жесткого неудобного ложа, и оттого, что, очевидно, во сне он подсознательно напрягал мышцы, чтобы не менять позу и не потревожить лишний раз раненое плечо. Теперь расплатой за это стала болезненная ломота, казалось, охватившая его всего, от ступней до макушки. Осторожно, стараясь не доставлять себе лишнего дискомфорта, Стас повернулся и принялся шевелить здоровой рукой и ногами, чтобы восстановить подвижность. Только через некоторое время к нему вернулась чувствительность, а вместе с ней и осознание того, где он находится и как сюда попал. Воспоминания о кошмарах вчерашнего дня со всей безжалостностью навалились на него и разогнали последние остатки забытья.

Очень медленно и аккуратно, стараясь не делать никаких лишних движений, Стас потихоньку поднялся. Страшно хотелось пить, и когда на глаза попала вчерашняя бутылка с остатками ядовито-желтой отравы, он тотчас схватил ее и залпом осушил. Сейчас на происхождение газировки было уже совершенно наплевать. Жаль только, что сладкая жидкость не принесла страдающему от жажды никакого облегчения.

– Доброе утро! – прозвучал из другого угла комнаты звонкий голосок. – Как ты себя чувствуешь?

Стас взглянул в ту сторону и посмотрел на девочку. При дневном свете беспризорница выглядела менее жалко, скорее комично. В этих нелепых шапках, надетых одна на другую... Сколько их на ней, три или четыре? А ведь он ухитрился за ночь забыть, как ее зовут. Кажется, Таня... Или Аня? Нет, все-таки Таня. Ничего не скажешь, любезно с его стороны – не помнить даже имени девочки, которая, что скрывать, спасла его от смерти. Если бы не она, он, конечно же, просто замерз бы на улице этой ночью. А она подобрала его, обогрела, привела к себе домой, уложила на свою кровать... Только сейчас он запоздало сообразил, что действительно занял топчан, явно служивший девочке постелью. А где же спала она, бедняжка? Стас присмотрелся и увидел, что Таня восседает на высокой стопке разломанных картонных коробок. Ему стало неловко.

– Я занял твою кровать, прости меня, ради бога, – забормотал Стас, делая попытку подняться. Но Таня остановила его:

– Сиди, сиди, ничего страшного. Я отлично поспала на картонках. Очень классная штука эти картонки. Главное – положить их побольше, тогда

получается настоящий матрас. Я, когда тут поселилась, долго на картонках спала, пока кто-то вот этот топчан на помойку не выкинул. Тут такая хорошая помойка есть, через два двора, там столько всего полезного можно найти! Не каждый день, конечно...

- Как же ты его доволокла сюда? - Стас качнулся на топчане. - Он же тяжелый, весит наверняка чуть ли не больше тебя?

- Ой, и не говори! - Таня засмеялась так радостно, будто он сказал что-то очень остроумное. - Это просто ужас был. До сих пор как вспомню, так вздрогну...

Разговаривая со Стасом, она успела встать и теперь ходила по комнате и вовсю «хлопотала по хозяйству» - отодвинула в сторону от остывшего камина свои картонки, оторвала от сейфа огарок вчерашней свечки и спрятала его под стол, вынула оттуда свернутый полиэтиленовый пакет, с шуршанием раскрыла его и извлекла половинку круглой булочки.

- Есть хочешь? - деловито спросила девочка, откусывая большой кусок.

- Да так, даже не знаю... - замялся он.

- Да ешь, не беспокойся, - Таня протянула и ему кусок булки. - У меня их много, на двоих хватит. Этого добра рядом с Макдоналдсом всегда полно. Я их там почти каждый день собираю, какие поцелее, и в пакете храню, они тогда несколько дней не черствеют.

- Нет, спасибо, я не голоден, - торопливо отказался Стас. Есть, конечно, хотелось, но не до такой же степени, чтобы поглощать собранные на помойке объедки!

- Ну, как хочешь, - Таня пожала плечами и продолжала жевать.

Стас закрыл глаза и отвернулся, чтобы справиться с естественным чувством брезгливости.

Надо было срочно что-то делать, но Стас понятия не имел, что именно. Связаться с кем-либо, хотя бы с Сергеем Головиным, он не мог, потому что, убегая в

панике, оставил все мобильные телефоны дома. Впрочем, в этом была и своя положительная сторона, потому что по сотовому полицейские уже сумели бы установить его местоположение... Да, полиция наверняка продолжает его искать – а значит, в квартиру даже соваться нельзя, там наверняка засада. «К тому же в таком виде я и до дома не доберусь», – усмехнулся про себя Стас. В грязной и рваной одежде, без каких-либо документов, он все равно дойдет не дальше первого встреченного полицейского. В больницу тоже нельзя, нечем платить врачам – бумажник со всеми деньгами и кредитками также остался дома. Теоретически можно было бы попросить девчонку позвонить Сергею или кому-то еще – но у Стаса была отвратительная память на телефонные номера, и номера мобильного своего начальника службы безопасности, как и номеров друзей, он, как назло, наизусть не помнил. В памяти прочно сидели лишь номера офиса, но связываться с Сергеем через городской телефон Стас не решался, наверняка все линии в его компании прослушиваются полицией. Так что же делать? Может, собраться с силами, выйти на Тверскую, поймать машину и поехать к кому-нибудь? Но к кому? Даже если его не задержат по дороге, даже если найдется водитель, который согласится везти пассажира в таком виде и без денег, с оплатой на месте, то ехать Стасу все равно некуда. В офисе его наверняка дожидается полиция, а никого из друзей и близких нет в Москве, даже мамы, которая сейчас гостит у своей подруги в Италии. Разве что поехать к Олеся? Так не факт, что он застанет ее дома, в какое бы время суток ни приехал, а ключей от ее квартиры у Стаса с собой не было. Так что, как ни крути, ситуация получалась безвыходной...

Пока он размышлял, девочка окончила завтрак и снова обратилась к нему:

– Вот что, Стас, давай посмотрим твою рану, пока светло.

Нельзя сказать, что предложение вызвало у него прилив энтузиазма, но делать было нечего, он осознавал, что процедура необходима.

Ему снова пришлось стаскивать пальто, пиджак и рубашку, что показалось чуть ли не труднее, чем вчера. Плечо все еще очень сильно болело, и, осмотрев рану, Таня покачала головой.

– Не похоже, чтобы стало лучше... Даже наоборот. Надо срочно обработать рану, пока не поздно!.. Нужны лекарства, хотя бы бинт. Вот только где бы их взять?..

Задумавшись, Таня в полном молчании снова кое-как замотала его плечо лоскутом от рубашки, на котором уже не было живого места от пропитавшей его крови, и помогла Стасу одеться. Затем старательно вытерла руки обрывком газеты, бросила его в камин, отошла в угол комнаты, повернулась спиной к своему квартиранту, расстегнула куртку, повозилась где-то под своей одеждой и наконец торжественно извлекла помятую сторублевую бумажку.

– Это моя заначка на черный день, – пояснила девочка. – Немного, конечно, но хотя бы на бинт и йод хватит...

В первый момент Стасу даже стало смешно, настолько серьезный вид был у Тани, демонстрировавшей эту жалкую купюру. Но вскоре он понял, что потешаться тут совершенно не над чем. Эта девочка, которая впервые в жизни увидела его только вчерашним вечером, достала свои по-настоящему последние деньги и собирается потратить их на его лечение. Вот интересно, мог бы он, Стас, отдать все деньги со своих банковских счетов малознакомому человеку? Нет конечно. Даже близко знакомому не отдал бы. А эта нищенка, для которой сотня – огромная сумма, готова с ней расстаться, чтобы помочь ему. Стасу стало мучительно стыдно, даже кровь прилила к щекам – давно забытое ощущение, которого он не испытывал с далеких времен юности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/iskuplenie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)